

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

ИМПЕРИЯ СТРАХА

Колычев. Мастер криминальной интриги

Владимир Колычев

Империя страха

«ЭКСМО»

2011

Колычев В. Г.

Империя страха / В. Г. Колычев — «Эксмо», 2011 — (Колычев. Мастер криминальной интриги)

Казалось, что власть братков в небольшом приволжском городе Многореченске незыблема. Все у них схвачено, ничто не происходит без их ведома. И вдруг один за другим при загадочных обстоятельствах нарываются на пулю все четыре местных «авторитета» – сначала Тереха, потом Барабас, а за ними Череп с Архаром. По следам убийцы с неутомимостью гончего пса идет майор РУБОПа Потапов. Вроде бы все ясно: подобное случается при бандитском переделе, когда «братков» заказывают профессионалу. Но кто заказчик? Кто осмелился на столь рискованный шаг? Среди местных таких вроде нет. Потапову даже в голову не приходит, что ищет он совсем не там...

Содержание

Глава 1	5
1	5
2	8
3	14
4	18
Глава 2	21
1	21
2	24
3	30
Глава 3	33
1	33
2	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Владимир Колычев

Империя страха

Глава 1

1

Дождь по спине, ветер в лицо, холод под воротник, да еще и слякоть под ногами... Врут, что у природы нет плохой погоды. Хотя чем она хуже, тем большей благодатью казался теплый вагончик магазина, где работала Лида. У нее и тепло, и кофе можно выпить, и даже сто граммов; ну а после рабочего дня она, бывает, накормит и чем-нибудь посуше.

Голова мокрая, но накрыть ее нечем, этикет не позволяет носить панамы и кепки. Тереха даже в лютый мороз шапку не надевает, а он у начальства в большом авторитете, и Гена Степанцев не мог не брать с него пример. И зонтиком он не пользовался, потому что бригадир считал это бабскими штучками.

Правда, у Терехи был новенький «БМВ» седьмой модели с кожаным салоном песочного цвета, он хотя бы мог спрятаться от дождя в машине. А Гена, увы, пока «безлошадный», хотя и смотрит за «Подмостом» – так назывался авторынок. Мост через Волгу широкий, места под ним достаточно, и порой там запросто размещалось до полусотни машин, что продавались из рук в руки. И дождь под мостом за шиворот не заливает, и комиссионный магазин там с Лидой... Гена недалеко ушел от рынка, сейчас он вернется, вместе с Толиком врежет, как говорится, по кофейку. А когда народ разоидется, можно будет ударить и по коньячку вместе с Лидком. Ее нужно хорошо разогреть, тогда она такой класс показать может...

Но сначала надо решить проблему с «дикарями», что выставили свои машины вдоль дороги перед оградой рынка. Не хотят люди платить за место под мостом, вот и «косят под дурачков», пытаются сбыть свой товар за пределами рынка. Им бы на пустыре, где-нибудь за городом торговать – так нет, лезут поближе к мосту, где водятся покупатели.

Обидно было Гене: они с Толиком за порядком смотрят, мошенников от покупателей отваживают, угнанными машинами запрещают торговать, чтобы не ронять репутацию рынка. Из-за этого с самим Байбутом приходилось отношения выяснять. А он – законный вор, за городом смотрит, общак держит, заботится о том, чтобы его людям не мешали работать. Тереха несколько раз встречался с ним, перетирал этот вопрос; разговор был неприятный, но все-таки воры оставили рынок в покое. Хотя, конечно, случается, что борсетку с деньгами дернут или лоха разведут на покупке машины, и Гене приходится стараться, чтобы свести эти проблемы к минимуму.

Потому и обидно: стараешься, стараешься, а кто-то мимо кассы свой товар гонит, как будто братва обязана бесплатно напрягаться... И обидно, и злость берет, а еще дождь льет, и холодный ветер в лицо. А продавцы сидят себе в своих авто и в ус не дуют, кофе из термосов попивают.

Автомобилей возле рынка хватало, но все они стояли возле ворот, покупатели вокруг них не крутились – видно, что принадлежали они потенциальным клиентам. Но чуть в стороне, метрах в ста от ограды, перед дорогой стояли в ряд три левые машины, а еще немного дальше жалась к обочине серая, в грязи «девятка». Вот возле них шла торговля, не самая бойкая, но все-таки заметная. Гене предстояло пресечь эту самодеятельность, но для этого ему пришлось проделать путь на своих двоих и под дождем.

Первой стояла серебристая «десятка» с тюнингом. Мокро на улице, грязь под ногами, а машина чистая, как будто хозяин только что намыл ее под дождем.

– Эй!

Гена грозно ударил ногой по переднему колесу. Стекло водительской дверцы тут же опустилось, из салона выглянуло испуганное лицо молодого парня с широким деформированным носом.

Возможно, парень занимался боксом, но Гену это не остановило. Он и сам специалист по рукопашному бою, к тому же за ним сила. За ним сам Тереха со своей бригадой, за ним район, который контролирует братва. Да и Толик рядом. У него чугунный подбородок и свинцовые кулаки – любой удар выдержит, и сам какую хочешь защиту пробьет. Ну и еще в кобуре под кожанкой ждет своего пожарного часа пистолет. Служебный ствол ижевского производства, хоть и с уменьшенной дульной энергией, но лобовую кость прошьет, как яичную скорлупу. Правда, Тереха настоятельно просил, чтобы оружие без особой надобности не светить, хотя и выдавали его на вполне законных основаниях. И Гена числился в легальной охранной фирме, и Толик, и лицензии у них на руках.

Гену разозлило, что парень остался в машине, тогда как сам он мок под дождем.

– Чего сидишь, чудило? Вышел говорить, быстро!

– Так мокро там, – растерянно пожал плечами парень.

– Я тебе сейчас покажу, что такое мокро! – заорал на него Гена.

И с силой ударил ногой по передней фаре. Хлопок, треск пластикового стекла, мат из машины.

Гена взбесил водителя, и тот, похоже, был готов броситься в драку. Но инстинкт самосохранения оказался сильнее гнева, и парень сдулся, как шарик. Реактивный выброс недоброй энергии вытащил его из машины, но воздух из парня вышел, и вот он уже обескураженно смотрит на крепкого парня в кожаной куртке, чья решимость выгнать парня с выгодного места уже была через край.

– Ты что, Фома не въезжающий? – свирепо спросил Гена. – На рынок въехать не можешь, да? Бабло зажал?

– Так это, я просто здесь стою, – совсем скис парень. – Брат на рынке, сейчас придет...

– Просто даже шлюха не придет! Еще раз увижу здесь, считай, калека! Вопросы?

Вопросов у парня не было, и он поспешил скрыться в машине.

Наехали на него на первого, но из всей троицы уехал он последним. Продавцы старенькой «Тойоты» и навощенной «Волги», услышав гром, не стали дожидаться града и один быстрее другого убралась с места.

Осталась только серая «девятка» с номерами, плотно забрызганными грязью.

– А этот что, особенный? – осатанело взвыл Толик, который до этого держался в стороне.

Ему тоже хотелось как-то выделиться, и он быстрым, нервным шагом направился к «девятке», полный решимости нагнать на водителя страху. Гена уже показал себя, поэтому не торопясь последовал за своим напарником. Толик начнет, а он его поддержит, если вдруг выйдет какая-то заминка.

Толик подошел к «девятке», попытался открыть дверь, но та, судя по всему, была заблокирована, и он постучал в окно, да с такой силой, что едва не выбил стекло.

– Ты что, козел, совсем попутал?! Давай вали отсюда!

Он даже не пытался объяснить водителю, в чем тот виноват: назвал козлом и послал в огород за лесом. Ну и правильно, подумал Гена, ни к чему горло драть понапрасну, если все просто: нет машины – нет проблемы. И кому какая разница, что делала здесь эта «девятка»?

Толик обладал внушительной комплекцией – почти два метра ростом, мощная шея, накачанные плечи, черты лица грубые, резкие. В юности Гена таких типов старался обходить сто-

роной. Это сейчас он может посматривать на Толика свысока, потому что и сам не раз побывал в такого рода переделках.

Гена не сомневался, что водитель «девятки» даст по газам от греха подальше, но вдруг опустилось стекло, и Толик дернулся, резко задрал голову и раскинув руки. В падении он дернулся еще раз, как будто кто-то невидимый ударил его в грудь.

Гена понял, что произошло, и сунул руку под куртку, чтобы вытащить из кобуры пистолет. Хорошо, что у Терехи этикет такой – не важно, какая погода на улице, но куртка должна быть нараспашку. Поэтому ему не пришлось расстегивать ее, и пистолет быстро лег в руку.

Но еще стремительней из «девятки» выбрался среднего роста парень с треугольной головой и узким подбородком. Уши у него были смешные, оттопыренные, но его ледяной, пугающе безжизненный взгляд совсем не веселил. И пистолет с глушителем вселял панический ужас. Убийца не тянул резину, не раздумывал – он с ходу навел на Гену ствол и сразу же нажал на спусковой крючок...

2

Холодно, руки мерзнут на ветру, а перчатки носить рано – зима еще не наступила. Хорошо, дождь уже не льет, и небо прояснилось. Солнце слабо пробивалось из-за свинцовой тучи, похожей на драконью тушу.

Но дождь уже сделал свое дело, он смыл следы. Рисунок протектора в грязи различим хорошо, а отпечаток обувной подошвы был едва заметен, и не факт, что по нему можно будет установить размер ноги.

– Этого из машины застрелили.

Молодой оперативник из уголовного розыска показал на покойника, лежащего на дороге. Крупный был парень, мощный...

Михаил Потапов и сам был высокого роста, и в плечах медвежья сила. Ему часто приходилось слышать, что большие шкафы громко падают, но на это он обычно отвечал с юмором знающего себе цену человека: «Большой шкаф еще свалить надо, чтобы он громко упал, а это не всякому под силу».

Но вот этого здоровяка свалили. Двумя выстрелами в сердце. Одна пуля пробила полукожаной куртки, другая прошла только через джемпер. Похоже, падая, парень раскинул руки, полы куртки разошлись, и в это время прозвучал второй выстрел. На точности стрельбы это не отразилось: одна пуля легла рядышком с другой, поэтому два кровавых пятна слились в одно.

– Потом преступник вышел из машины и выстрелил в его друга, – продолжал оперативник, показывая на второго покойника, который лежал на обочине дороги метрах в десяти от первого.

Этот тоже был в кожаной куртке, с бритой головой, сложения отнюдь не чахоточного. Свитер у него был без ворота, на шее поблескивала толстая серебряная цепь. Полы куртки разошлись, под мышкой виднелась кобура. В груди – два пулевых отверстия, одно к одному. Оба ранения в область сердца. Один и тот же почерк. Можно сказать, виртуозный росчерк пера.

– Большой специалист работал, – сказал оперативник.

Потапов с интересом посмотрел на него. Он и сам понял, что преступление совершил мастер своего дела, но парень озвучил его мысли.

– Первушин твоя фамилия? – вспомнил Михаил.

Он представлял Многореченское управление по борьбе с организованной преступностью, а оперативник, что вводил его в курс дела, служил в уголовном розыске ОВД Промышленного округа. Потапов знал почти всех оперуполномоченных из трех округов города, но этого парня видел впервые. Впрочем, ничего удивительного: этот опер мог работать по карманным кражам или по другим, не связанным с заказными убийствами делам, поэтому их пути не пересекались.

– Да, лейтенант Первушин, – кивнул парень.

Аккуратная «командирская» прическа, прямоугольная форма лица, черные раскосые глаза, прямой, правильной формы нос. Было в его облике что-то аристократическое, но при этом во взгляде отсутствовали даже отдаленные признаки снобизма и высокомерия. Роста он был выше среднего, спортивного телосложения, одет стильно, хотя и неброско – утепленная джинсовая куртка темно-коричневого цвета с капюшоном, черные уличные брюки с накладными карманами.

– Звать-то как?

– Илья.

– Давно в розыске?

– Первый год.

– После академии?

– Нет, два года в школе милиции. В юридический только собираюсь поступать, заочно...

– В армии служил?

– Да как-то не сложилось. Сразу в школу милиции...

Да, дела.

Однажды Михаилу попала статья в газете, называлась она «Как отмазаться от службы в армии». Очень интересный вариант предлагался: в семнадцать лет поступаешь в школу милиции, через два года получаешь лейтенантские погоны – и все, никакой армии. И кто ж додумался до того, чтобы в школу милиции принимать юношей, не служивших в армии? Раньше такое и во сне бы не приснилось.

– Да вы не думайте, я к службе серьезно отношусь. Меня даже в уголовный розыск взяли, потому что не штаны просиживать сюда пришел, – будто оправдываясь, сказал Первушин. – Я в патрульно-постовой год отслужил, вроде бы доказал, что кое-что могу...

– Верю, верю, – поспешил успокоить его Михаил. – Ты прав, главное – серьезное отношение, а остальное приложится...

Первушин прибыл на место в составе оперативно-следственной группы. Когда здесь появился Потапов, следователь Стасюк вместе с экспертом был занят описанием трупов, на него едва обратил внимание, а Первушин возвращался к месту со стороны авторынка, где искал свидетелей происшествия. Наверняка таковые были, но никто из них не хотел связываться с делом, где пахло керосином. Два братка с рынка, киллер, который застрелил их... Именно поэтому Потапова и вызвали сюда, что убийство было явно заказным.

Нельзя сказать, что Михаил опоздал к месту события. Оперативно-следственная группа опередила его, но иначе и быть не могло. Зато еще не подъехало районное и городское начальство, а без него здесь вряд ли обойдется. Дело-то серьезное, как бы оно большой криминальной войной не обернулось. А это не нужно никому, даже бандитам...

– Не понятно только, почему свидетелей нет, – сказал Потапов, глядя на скопление машин у ворот авторынка.

Это стояли автомобили покупателей, которые приезжают посмотреть товар как в гордом одиночестве, так и целыми семьями. Бывает, что кто-то из домашних даже не выходит из машины, а кто-то возвращается почти сразу. Вне всякого сомнения, не все автомобили, стоящие у ворот, в момент убийства пустовали...

Первушин понял, куда смотрит Михаил.

– Там, в «Ниве», женщина сидит, а в «Тойоте» – парень какой-то в наушниках, плеер слушает. Никто ничего не видел... Парень вроде бы действительно и головы не повернул на выстрелы, а женщина, похоже, врет. Я спросил, почему она врет, а она такой вой подняла, что мама не горюй, – развел руками Первушин.

– Номер машины записал?

– Да, и номер машины записал, и фамилию женщины, и адрес...

– Это хорошо... Значит, нет свидетелей, говоришь?

– Пока нет. Но будут.

По другую сторону моста вдоль реки тянулась набережная, закованная в железобетон. Там и чугунные шары на постаментах над самой водой, и якорные цепи, и газоны вдоль дороги с оживленным движением. И жилые дома в ровную сплошную линию вытянулись, а здесь – пустырь над рекой, асфальтовая, но кривая дорога через него, чуть в стороне от воды – серые заборы металлопрокатного завода, коробки цехов за ним, башенные краны. Но сегодня воскресенье, предприятие не работает. Так что с этой стороны свидетелей быть не может. Со стороны реки – тоже. Оставался только рынок, но там с операми никто разговаривать не хотел.

– Будут, но пока нет, – задумчиво повторил Потапов. – Откуда тогда знаешь, что в первого из машины стреляли? Может, убийца вышел из машины?

– Нет, расстояние не позволяет, – покачал головой оперативник. – Потерпевший рядом с машиной стоял, когда в него стреляли. Преступник должен был дверью его толкнуть, чтобы выйти. Но тогда потерпевший мог бы в сторону отойти, а он прямо перед дверью лежит... Нет, дверь не открывалась, когда в него стреляли. Но потом преступник вышел, чтобы второго свалить. Тот пистолет успел вытащить, но...

– Ясно, – оборвал Михаил лейтенанта. – Но все равно, свидетелей надо искать.

– Сейчас наш начальник подъедет. Я его ждал, а приехали вы...

Первушин пытался, но не смог удержать улыбку. Если Потапов уже здесь, то двойное убийство, скорее всего, повесят на него, а районный уголовный розыск умоет руки. Кому нужен глухарь в отчетности?..

– Да, там еще охранник в будке, – вспомнил Первушин и показал на ворота рынка. – Он тоже мог видеть. Но говорит, что занят был, чай пил, когда все случилось...

– Охранник?

– Ну да, штатный охранник из ЧОПа. Их тут по трое в смене: один в будке, другие по территории ходят...

– А эти, значит, внештатные охранники, – Потапов взглядом показал на ближайший от него труп.

– Ну, вы же из РУБОПа, должны понимать, – многозначительно развел руками Первушин.

Михаил кивнул. Он действительно все понимал. И знал, что «Подмост» входит в сферу влияния бандитского авторитета Терехи, а эти ребята, что лежали сейчас на земле, работали на него, смотрящими были за рынком. Об этом можно было судить хотя бы по серебряным цепям на шеях покойников: Тереха строго следил за тем, чтобы низовые бойцы его бригады не пользовались золотыми.

Если кто-то убил этих ребят, значит, кому-то это нужно. Уж не новая ли война за передел территорий началась? Не хотелось бы...

– Да я-то понимаю... Ты давай, своего начальника жди, а я пойду с охранником поговорю. Кто вас встречал, когда вы сюда подъехали?

– Ну, наряд был, патрульно-постовая служба... Кто-то позвонил с мобильного, сказал, что убийство возле рынка. Номер установили, скоро узнаем, кто звонил...

– А охранники здесь вас не ждали?

– Нет. Они как будто ничего не видели. Как будто... За полчаса столько машин мимо проехало – и к рынку, и обратно. Труп объезжать приходилось, охраннику возле ворот наверняка жаловались или просто говорили... Заливает он все, что знать ничего не знает. Сейчас начальник подъедет, и я к нему вернусь. И с тетки с этой не слезу! – Первушин запальчиво махнул в сторону машин.

– Залез и не слез – это статья, – улыбнулся Потапов. – И если слез – все равно статья. Если залез неправильно...

Нравился ему Первушин. Глаза у парня горят, значит, болеет за свое дело. Да и голова неплохо соображает. Хорошие опера в дефиците, в Многореченском РУБОПе вакансий хватает... Но это первое впечатление, что Первушин перспективный опер, и оно может оказаться обманчивым. Да и не факт, что ему захочется перейти на новое и опасное место службы.

– А если правильно? – той же улыбкой ответил лейтенант.

– Тогда дерзай... Или все-таки надеешься, что мы убийством заниматься будем?

– Ну, может, и вы займетесь. Но по-любому мы в стороне стоять не будем.

Потапов кивнул, соглашаясь. Районный розыск без работы не останется, это ясно, но вся ответственность за раскрытие этого преступления ляжет на сотрудников РУБОПа. Однако говорить об этом не хотелось. Работать надо, пока трупы еще не остыли, а потом уже разбираться, кому, что и почему...

Михаил уже позвонил своему заму и двум операм из отдела, который он возглавлял. Обидно: редкий выходной день сегодня выдался, а их – обратно, на службу. Впрочем, они люди привычные. Люди, у которых на роду написано быть честными операми. Люди, которые не представляют себя вне службы...

Сейчас ребята подъедут и начнется работа. Дорога перекрыта нарядом патрульно-постовой службы, с территории рынка пока никого не выпускают, и тетка из «Нивы» никуда не денется. А если вдруг исчезнет, адрес ее известен... Ну, а с охранником разговор особый. С него Потапов и собирался начать. Прямо сейчас.

Но только он сделал шаг в сторону рынка, как вдруг возле патрульно-постовой машины резко и с визгом затормозил новенький черный «БМВ» представительского класса. Машина шла на столь большой скорости, что Потапов даже не заметил, как она подъезжала к месту происшествия. Потому и затормозила она лихо, можно даже сказать, с особым шиком, который так любят бандиты вроде Тереха.

Михаил не ошибся в своем предположении. Сначала из «БМВ» вышел крепкий парень в кожанке, открыл заднюю дверцу, и только тогда из салона выбрался Тереха, главарь заречной братвы, хозяин всего Промышленного района. Бритая голова правильной формы, высокий с ранними морщинами лоб, пронзительный, с высокомерной иронией взгляд, крупный с горбинкой нос, плотно сомкнутые губы, мощный подбородок. Ворот черной шелковой рубахи расстегнут, под ним виднелся фрагмент золотой цепи в мизинец толщиной. Черный кожаный плащ нараспашку, руки в карманах, голова высоко поднята, грудь колесом. Тереха в своем репертуаре.

В сопровождении двух телохранителей бандитский авторитет подошел к покойнику, над которым склонились судмедэксперт и следователь. Вид у Тереха был столь внушительный, что и у одного, и у другого вдруг отпало желание заниматься трупом.

Следователь разогнулся, неуверенным голосом обратился к бандиту, намереваясь его прогнать, но тот даже ухом не повел, всем своим видом показывая, что с ментами он не разговаривает.

Потапов не стал ничего говорить. Он просто подошел к Терехе, не обращая внимания на его вставших на дыбы телохранителей. Авторитет сам почувствовал его присутствие, тяжело поднял глаза.

– А-а, Михайло Потапыч, – в уродливом подобии приветливой улыбки скривил губы он.

По отчеству Михаил был Яковлевичем, но поправлять его не стал. Михайло Потапыч – это своего рода кличка, которую дал ему преступный мир. Причем кличка весьма уважительная... Тереха мог проигнорировать простого следователя, но Потапов – для него величина, и небрежность в общении с ним могла закончиться неприятными последствиями.

Вряд ли у Тереха есть при себе незаконный ствол, а наркотиками он и вовсе не увлекается. Но его можно задержать просто так, для профилактики: доставить в отделение, продержат там трое суток по надуманному предлогу, и пусть он потом жалуется куда угодно. Прокурорский нагоняй, грозные звонки из мэрии, шумиха в прессе – все это давно уже стало для Потапова таким же обыденным явлением, как собака, лающая на идущий караван. И Тереха прекрасно это знал, потому и не выделялся.

– Твой? – спросил Потапов, кивком головы показав на труп.

– Ну, знакомый.

– А почему знакомый? Вы же все братья? – усмехнулся Михаил.

– Ну, братья бывают разные – родные, троюродные, седьмая вода на киселе...

– Седьмая вода – это, я так понимаю, рядовой «бык»...

– Да как хочешь, командир, так и понимай, – пожал плечами Тереха.

И вдруг резко, зло посмотрел на Первушина, что стоял рядом с Михаилом.

– Твой опер? – хлестко спросил он.

– А что такое? – напрягся Потапов.

– На волчонка похож, – неприязненно глядя на оперативника, сказал Тереха. – Чего как волчонок на меня смотришь? Зачем так люто? Загрызть хочешь?

– Да нет, тебе показалось, – смутился Первушин. – Просто смотрю...

– А чего ты со мной на «ты»? – возмутился бандит. – Ты кто такой, чтобы со мной на «ты»?

– Что-то ты разошелся, Эдуард Валерьевич, – Потапов пристально, внушительно посмотрел на распоясавшегося братка. – Ты ничего не попутал, нет? А то, может, забываться начал? Так мы память освежим...

– Как думаешь, что это такое? – спросил Тереха Потапова.

– Вообще-то я сам хотел у тебя спросить.

– Без понятия.

– Ты сам знаешь, что и при чем. Вернее, при ком.

– Да знаю... И претензий ни у кого нет. По этой части все тихо... Нет, реально все было тихо, командир. Пацаны пошли узнать, что за левые тачки здесь стоят, а их кто-то на раз-два...

– Кто-то видел, как их на раз-два?

– Да, охранник, – Тереха показал в сторону контрольно-пропускного пункта. – Он мне позвонил... А что, не колется? – Потапов промолчал, делая вид, что не понял вопроса. – Так я ему намекнул, он все расскажет... Только одно условие.

Авторитет выжидательно посмотрел на Потапова. Он боялся, что в ответ на выставленное условие Михаил пошлет его далеко. Но тот молчал и тем самым давал понять, что готов его выслушать.

– Мокрушника искать будете, меня в курсе держите.

– Я за тобой бегать не буду, – покачал головой Потапов.

Фактически он принимал условие, и Тереха это понял.

– Да я тебя сам найду.

– Как знаешь...

– Да, беда, – посетовал авторитет, глянув на покойника. – Хорошие были ребята.

– А может, не очень? – внимательно посмотрел на него Потапов. – Может, конфликт у них с кем-то был? Ну, помимо рынка...

Но Тереха понял, что Михаил хочет раскрутить его на информацию, а это его не устраивало. Воровских традиций он не придерживался, но сотрудничество с милицией совсем не жаловал, а если соглашался чем-то помочь, то сущей мелочью. Но и отказаться от разговора напрямую он не мог, потому что считался с Потаповым. Поэтому посмотрел на часы и тут же сокрушенно хлопнул себя по лбу:

– Черт! Мне же пора уже... Извини, Потапыч, дела!

Он с угодливой улыбкой глянул на Потапова, но в Первушина свирепо стрельнул глазами.

– Что это с ним такое? – растерянно спросил оперативник, когда бандитский «бумер» набрал ход. – Взъелся на меня почему зря...

– Не любят братья-бандиты, когда на них люто смотрят. Рефлексы у них на волчий взгляд. Они как те бойцовые псы, которым нельзя смотреть в глаза. Ни в глаза смотреть, ни руками махать, ни убегать – если что не так, догонят и порвут...

Потапов хорошо помнил Тереху примерно десятилетней давности. Сам он в начале девяностых был таким же лейтенантом, как Первушин, и так же служил оперуполномоченным в уголовном розыске. Тереха же тогда возглавлял команду рэкетиров из Первомайского района. Череп с ним тогда был, Барабас и Архар. Вели себя эти ребята нагло, ни с кем не считались, никого не уважали. Как итог, не на жизнь, а на смерть сошлись на ножах с командой Тельца, что раз в пять была больше и влиятельнее первомайцев. И что? Телец давно уже на кладбище, а Тереха, Череп, Барабас и Архар здравствуют и поныне. И весь город под собой держат. Правда,

единой команды уже давно нет: развалилась под натиском сугубо личных интересов ее главре-рей. Каждый потянул одеяло на себя, и в итоге некогда мощная преступная группировка развалилась на четыре части. Терехе достался Промышленный округ, Архару – родной Первомайский, Черепу – левобережье Западного округа, Барабасу – правый берег того же района. Но Череп сейчас мотает срок за убийство, и за его хозяйством смотрит Барабас. Вроде как смотрит, а на самом деле прибрал его владения к своим рукам. А срок у Череп заканчивается, скоро он вернется домой, предъявит права. Будет очень интересно, чем все дело кончится. Может, и не весело, но уж точно не соскучишься...

Первомайская братва в свое время смела со своего пути команду Тельца, затем была война с Коршуном, который в итоге также отправился в мир иной. Последним пал бандитский авторитет Шершень. Много крови пролилось в лихие девяностые, но сейчас вроде все спокойно. Первомайские авторитеты разошлись миром, без стрельбы и взрывов. И сейчас ведут себя более-менее: за последний год никаких эксцессов. И дело не в том, что братки стали вдруг законопослушными, просто не хотят они связываться с рубоповцами. Полковник Мухин со своей командой не давал им житья и раньше, и сейчас держит их под колпаком. И майор Потапов играл в этом оркестре далеко не последнюю роль.

Именно Михаил со своими оперативниками отправил на скамью подсудимых Черепу за убийство, о котором тот уже начал забывать. Дело было в девяносто четвертом году, распоясавшийся авторитет заподозрил в измене свою подружку и задушил ее в классическом духе Отелло. Девушку вывезли в лес, закопали, но остался свидетель – боец из свиты Черепу. И могила ее случайно нашлась. Было возбуждено уголовное дело. Подозрение пало на Черепу, но с него как с гуся вода: ведь подозрения к делу не пришьешь. Но через пару лет на жареном попался тот самый боец из его свиты, который видел, как убивали девушку. Ему тогда грозил реальный срок за изнасилование.

Потерпевшая пришла забирать заявление на следующий день, но Михаил не позволил ей этого сделать, взял девушку под персональную опеку, с помощью ее показаний прижал к стенке телохранителя, в черных красках обрисовал ему перспективу лагерного будущего, кошмарную жизнь в петушином кутке. Не выдержал парень, сломался и раскололся, рассказал, как Череп задушил свою подружку. Этого могло и не случиться, если бы не настойчивость рубоповцев.

Но мало было посадить Черепу в СИЗО, его еще предстояло там удержать. Для этого и проводилась работа со свидетелем, чтобы тот не отказался на суде от своих показаний. Это была целая история, но в конце концов Череп оказался на скамье подсудимых. К этому времени авторитет уже понял, что РУБОП вцепился в него мертвой хваткой, и сменил тактику. Он признался в содеянном, и адвокат сумел убедить судью, что убийство произошло в состоянии сильного душевного волнения. В итоге Череп отделался какими-то тремя годами колонии строгого режима. И скоро срок его заключения истекает...

Хлебнул тюремной баланды и сам Тереха. В девяносто четвертом, будучи уже опером РУБОПа, Михаил взял его за незаконное хранение оружия, а после знаменитого ельцинского указа по борьбе с бандитизмом Тереха и вовсе стал частым гостем изолятора временного содержания. Правда, до суда дело ни разу не дошло, зато Тереху научили бояться милиции. Указ вскоре был отменен, но бандитам все равно спуска не давали. А два года назад Тереха попал в следственный изолятор по подозрению в организации заказного убийства. Потапов задержал киллера, который сгоряча показал на заказчика. Правда, вскоре он отказался от своих показаний, а еще через пару месяцев киллера нашли с петлей на шее в одиночной камере. Кто помог ему повеситься, оставалось только догадываться. Дело развалилось, Тереха вышел на свободу. И с тех пор ведет себя как черт в тихом омуте. По его самолюбию рубоповцы, конечно, ударили больно, но на поверхности воды – тишь да гладь. И это при том, что время от времени за ним устанавливают наблюдение – и прослушка, и наружка, и агентура...

3

Михаил пристально всматривался в удостоверение охранника. Видно, что не липовый документ, и печати настоящие, но все равно майор хмурил брови.

– Да нормально там все, в РОВД получал, как положено, – нервничал рыжеволосый парень в черной униформе.

Именно этого и добивался Потапов. Он чувствовал, что охранник готов был отвечать на вопросы. Теперь Михаил должен был поставить его в неловкое и зависимое положение, а это нетрудно – надо лишь заставить свидетеля нервничать, оправдываться.

– А что значит, как положено? – не отрывая глаз от удостоверения, с мрачным видом спросил Потапов.

Он сидел за столом в охранной будке у ворот авторынка, лицом к одному окну и спиной к другому, которое выходило на подъездную дорогу. Здесь был только один стул, и охраннику приходилось стоять, переминаясь с ноги на ногу.

– Э-э... Ну, с правом ношения оружия и спецсредств...

– А где разрешение на оружие?

– Так нет у меня оружия... Право есть, а оружия нет. Только вот дубинка...

Охранник похлопал по резиновой палке, висевшей на боку.

– А это что, не оружие?

– Ну, не огнестрельное же...

– Не огнестрельное, а ребра поломать можно.

– При чем здесь ребра? – Парень настороженно глянул на Потапова.

– Да ни при чем, просто к слову пришлось... Оружие не всем выдают – один пистолет на четырех охранников одного предприятия, да?

– Ну, я не знаю, – пожал плечами парень.

– Я знаю... Сколько вас на рынке?

Михаил не столько спрашивал, сколько уточнял информацию. Он занялся одним охранником, а только что подъехавший Семен Кормильцев взял на себя другого. Боря Климук ходил по рынку, искал других свидетелей. Без работы никто не остался.

– По трое в смене.

– А смена раз в трое суток, так? Итого девять человек. И все в форме, да?

– Это как положено.

– А Степанцев и Курков почему без формы? Или у них кожаные куртки – форма? Выходит, Степанцев с Курковым здесь на особом положении находятся, так?

– Ну, я не знаю, – замялся охранник.

– Что, про это тебе не велено говорить? – не зло, но пронзительно посмотрел на него Михаил. – Так мне все равно, велено или не велено. Сейчас в управление тебя отвезу, завтра до утра там посидишь, а я пока узнаю, что велено тебе говорить, а что нет...

– Ну да, они на особом положении находились, – нехотя признался парень. – Мы охраняем, а они смотрят. И за нами смотрят, и вообще. Мы сутки через трое, а они здесь каждый день...

– И за чем они смотрят, если не только за вами?

– Ну, чтобы порядок был... Чтобы угнанные машины здесь не светились...

– Кем угнанные?

– Я знаю? Короче, чтобы все в порядке здесь было. Тут магазин комиссионный, там у них связь с гаишниками – ну, если вдруг машина в угоне, это пробивается. Гена туда часто заглядывает... То есть заглядывал. Лида там работала... Тьфу ты, работает. Красивая девчонка. Ну, не совсем девчонка, ей уже под тридцать, и муж есть...

– Я смотрю, ты ничего не знаешь. И ничего не видишь, – продолжал давить Потапов. – Слепой и слабоумный?

– Почему ничего не вижу? – надулся парень. – Видел я, как в Толика стреляли... То есть, как стреляли в него, не видел. Но видел, как он падал. Потом дверца машины открылась, тогда я и увидел, как в Гену стреляют... Хотя нет, не видел. Тот, который стрелял, он за Геной стоял...

– Значит, ты его даже не видел? – невесело предположил Михаил.

– Почему не видел? Видел. Гена упал, а он остался. Только он уже боком повернулся, чтобы в машину сесть, ну, за руль. Он в профиль ко мне стоял. Сел и уехал...

– Значит, фоторобот его составить не сможешь?

– Какой фоторобот? Я его в профиль видел, но ничего не разглядел. Далеко же было, метров сто...

Потапов поднялся, повернулся лицом к окну, что выходило за территорию авторынка. На месте преступления еще шла работа, но трупы уже были накрыты простынями и ждали отправки в морг. Начальник ОВД Промышленного района возле своей машины о чем-то говорил со своим заместителем по уголовному розыску. Ребята из «убойного отдела» городского УВД подъехали, но в дело не вмешивались, стояли в сторонке, курили. Понимали, что не им заниматься этим делом, и тихонько радовались.

Похоже, охранник искренне жалел о том, что не смог запомнить убийцу. Ведь ему не только перед милицией отчитываться придется, но и перед своими работодателями. Он всего лишь охранник, к бандитской прослойке, скорее всего, не принадлежит, но все равно Тереха может спросить с него очень строго. И спросит... Если, конечно, он сам не приложил руку к убийству своих людей. Хотя это вряд ли. В таких случаях проштрафившихся в чем-то братков завозят в лес и там уже исполняют приговор...

– Плохо, очень плохо, – разочарованно покачал головой Михаил.

– У него голова большая была. Ну, вытянутая... – ткнув пальцем в свой наморщенный лоб, сказал охранник. – Нос вперед очень вытянут. Большой такой нос, острый... Нос вытянут, а подбородок, наоборот, как будто втянут. Маленький подбородок...

– Ну вот, уже лучше, – одобрительно улыбнулся Потапов. – Что за машина?

– «Девятка». Обычная, не «девяносто девятая». У меня «девяносто девятая», а у него старая...

– Номер ты, конечно, не разглядел. Далеко было, да?

– И далеко, и номера грязью забрызганы... И вся машина в грязи. Я с мужиком разговаривал, он как раз на рынок ехал, так эта «девятка» навстречу ему шла. Он тоже заметил, что номера в грязи. И окно лобовое сплошь в грязи; только там, где дворник чистит, там еще ничего...

– Что за мужик? – удивленно повел бровью Михаил.

Оказывается, этот рыжеволосый парень развил бурную оперативную деятельность, а Первушину соврал, что ничего не знает. И перед ним бы ломался, если бы не Тереха.

– Да колхозник какой-то на ржавой «копейке», на рынок ехал машину посмотреть. Я на него наехал... Ну, в смысле, поговорил с ним, так он от страха в штаны навалил и сразу же уехал... Да он ничего и не видел. В смысле, не разглядел убийцу. Видел, что кто-то за рулем, а лица не запомнил. Разве что уши большие...

– Ну вот, уши большие, уже кое-что... Рядом с водителем кто-нибудь сидел?

– Нет, не было никого. Мужик сказал, что там водитель только был. Ну, может, сзади кто-то ехал. А впереди никого...

– Понятно... Значит, Куркова первого убили, потом Степанцев был, так?

– Ну да.

– А конфликт из-за чего вышел?

– Ну, я не знаю... Гена подошел к «девятке», что-то сказал, а оттуда пиф-паф...

– Ты в это время где стоял?

– У ворот... Они козлов гоняют, а я стоять должен...

– Кого гоняют?

– Ну, этих, которые левые машины продают. Их гоняешь, гоняешь, а они все равно как грибы после дождя... Капуста им здесь нужна, потому и козлы... Я так думаю, Толик наехал на водителя, а тот выстрелил.

– А может, киллер знал, что Толик подойдет к нему? Я так понял, тот часто левые машины гонял – и он, и Гена...

– Может, и знал. Может, и ждал Толика...

– А Гену за компанию застрелил?

– Вы милиция, вам видней, – пожал плечами рыжеволосый.

– И еще ты говоришь, что у Гены роман с замужней продавщицей был...

Потапов не потерял интерес к охраннику, но ему вдруг захотелось пообщаться с Лидой. Что, если именно в ней суть дела?..

Комиссионный магазин находился в бытовом вагончике. Стены обшиты пластиковыми панелями, под ногами пол из шлифованной доски, под потолком засиженные мухами неоновые лампы. В дальнем углу находился стол с компьютером, за ним сидела симпатичная женщина лет тридцати, а напротив нее – коренастый мужчина примерно одного с ней возраста. Стильная куртка, темные, чисто вымытые волосы вшпунены, чтобы закрыть проплешины на макушке; взгляд вроде бы добродушный, но вместе с тем хищный; острый крючковатый нос нацелен на жертву.

Женщины не считали Семена Кормильцева записным красавцем, но признавали в нем сильное мужское начало. Он был мужчиной до мозга костей – крутой, волевой, смелый, энергичный. И достаточно харизматичный, чтобы кружить женщинам головы. А его густой с хрипотцой баритон и вовсе лишал их шансов отказать ему во взаимности. Если он брал кого-то на прицел, то не отступится, пока не добьется своего.

И еще у Семена был пунктик. Сам холостой, он питал интерес исключительно к замужним особам. С такими любовницами было все просто – сделал дело, и никаких обязательств. Замужняя женщина не будет бегать за тобой, пытаясь затащить под венец. Во всяком случае, Семен считал именно так, и эта его уверенность была подкреплена богатым опытом.

Лида, если это была она, уже раскраснелась, чувствуя к себе жгучий мужской интерес.

Михаил понял, что третьему здесь не место, и вышел из вагончика.

Семен был ходяком по женской части, но меру знал, и служба для него находилась на первом месте. Если его занесло сюда, к Лиде, то не просто так. Видимо, узнал, что у продавщицы был роман с покойным Геней, и решил ее прощупать. Если дело было так, то Потапов мог положиться на своего подчиненного. Семен все узнает и притащит выводы в зубы... Ну, а если он занялся Лидой из чисто мужского любопытства, то все равно эта женщина никуда не денется. Не Семен, так сам Потапов с ней поговорит на животрепещущие темы.

Михаил вернулся к охраннику, задал еще несколько наводящих вопросов, чтобы лучше узнать о потерпевших, но вскоре появился Семен. На губах улыбка, но глаза серьезные.

– Ну что, оформил машину? – с ехидцей спросил его Потапов.

– Да, но еще в гараж не поставил, – сощурился Кормильцев. – Дама не против. А чем ей еще заняться, когда муж в командировке?

– Ты уверен, что в командировке?

– Заодно и проверю. Попробую вызвать огонь на себя, если ты не против. Не зря же ты заходил к Лиде. Кто-то шепнул тебе, что у нее роман с Геней, – Семен многозначительно глянул на охранника, стоящего в сторонке.

Потапов удовлетворенно кивнул. Приятно было осознавать, что Кормильцев не обманул его ожиданий.

– Но муж в командировке и убить Гену не мог.

– Вот и я о том же... А он, говорят, ревнивый.

– Кто говорит?

– Лида.

– Всерьез говорит или заигрывает?

– Вот я и хотел бы узнать, что там да как. Сегодня, кстати, воскресенье...

– Кстати, у Лиды сегодня траур должен быть, – заметил Михаил. – Или нет?

– Какой траур? О чем ты говоришь? Этот Гена ее достал. Не очень-то ей нужна была его любовь. Покровительство – да, а любовь осточертела... Хотя, может, и врет... В общем, версию с рогатым мужем я беру на себя.

Похоже, эту «версию» он готов был приласкать прямо сейчас, но Михаил не позволил ему уйти.

– Есть еще одна версия. И ее надо бы отработать.

Потапов пояснил свою мысль. Возможно, Степанцев и Курков угодили под раздачу случайно. Пошли отгонять посторонние машины, нахамили водителю «девятки», за что и заплатились. Может, он таким же бандитом был, как и они, только гораздо более матерым? Может, он собирался кого-то убить? Может, не сегодня собирался, а завтра, или еще когда-нибудь в ближайшее время? Собирался, но братки с рынка взбесили его, и он хладнокровно расправился с ними. Если так, то почему он оказался здесь? Что, если он ждал своего напарника, который ходил по рынку, выбирая автомобиль для предстоящего дела? Их «девятка», возможно, была оформлена на кого-то из них, и они боялись ее засветить. А раз так, то нужно или угнать чью-то машину, или купить другую, по доверенности. Но угнанный автомобиль хорош на конечном этапе, когда пора уносить ноги. А выслеживать жертву на нем опасно, тем более если это долгий процесс...

Если убийца ждал в машине своего напарника, то уехал он без него. У них обоих были телефоны: один мог позвонить другому, сообщить о случившемся и назначить место встречи где-нибудь вдалеке от рынка. А если телефонов не было? Напарник мог выйти к месту, где его должны были ждать, и увидеть там трупы. Он мог просто пройти мимо них, а мог броситься назад, к рынку, чтобы затем подняться на мост и взять такси в районе троллейбусной остановки. Может, кто-то из охранников или еще кто-нибудь видел человека, возвращающегося с места убийства с искаженным от злости лицом? Вероятность такого исхода ничтожно мала, но на то и существует уголовный розыск, чтобы искать иголку в стоге сена...

Вопросов, как всегда, было больше, чем ответов.

4

Кровать скрипела и спинкой стучалась о стену; ножки, казалось, вот-вот разойдутся в стороны, и она рухнет на пол всей своей тяжестью. Голая прыщавая брюнетка стояла на коленях, локтями упираясь в подушку, ее обвислая грудь маятникками качалась в такт резким, напористым движениям. Она сдавленно постанывала под натиском сильного мужского тела и совершенно не реагировала на постороннего человека, зашедшего в спальню.

Шурик был занят не меньше – он прижимался к женщине сзади, демонстрируя ей свою мужскую мощь. Но все-таки сумел заметить, что в комнату зашел Стас. Он махнул ему рукой – дескать, присоединяйся.

– Я тебя сейчас самого кончу, баран! – заорал на него Стас.

Шурик оттолкнул от себя брюнетку с такой силой, что та стукнулась головой о спинку кровати.

– За что? – возмущенно взвыла она.

– Заткнись, тварь!

Шурик замахнулся на нее растопыренными пальцами правой руки, но бить не стал. Хватило того, что девушка зажмурилась от страха.

Стас вышел на кухню, достал из кармана сигарету, нервно закурил. Зато Шурику хоть бы хны. На бедрах полотенце, на губах самодовольная улыбка.

– Ну, чего лыбишься? – набросился на него Стас. – Мозгов совсем нет?

– Может, хватит? – набычился парень. – Я тебе что, груша, чтобы на мне отрываться? Загнул разок, и хватит...

– А ты кого загнул?

– Так это по случаю. Еду, смотрю, стоит – ну, думаю, снимается. Точно, снимается. Я ее и взял...

– А домой зачем тащить?

– Так это, всего двадцать баксов за ночь. За двадцать баксов до утра можно вправлять...

– Мозги бы тебе кто вправил, – скривился Стас. – Ты зачем...

Шурик быстро и выразительно приложил палец к губам, и тот замолчал. Действительно, не стоит выяснять отношения в присутствии проститутки. Если она услышит, что натворил Шурик, ее придется убить, а лимит на это дело на сегодня точно исчерпан.

– У тебя есть пять минут, чтобы вышвырнуть ее отсюда, – нахмурился Стас.

Шурик совсем отбил от рук, и он должен был поставить его на место во что бы то ни стало.

Это же надо было додуматься – пристрелить почем зря двух братков с авторынка! Пока Стас машину выбирал, этот увалень сделал мокрое дело и уехал на съемную квартиру. И еще проститутку по пути прихватил. Ну как с таким работать?

– Брат, куда спешить? – поморщился парень. – Сейчас твоя очередь, давай, пользуйся...

Несмотря на свою злость, Стас возбудился, когда увидел картину, достойную камеры порнорежиссера, и был бы не прочь повторить с брюнеткой постельную сцену. Но нельзя соглашаться с Шуриком, иначе можно уронить свой авторитет до уровня плинтуса. Так что придется отказаться от сладкого.

– Я сказал, у тебя есть пять минут, – сквозь зубы зло процедил он. – Время пошло!

– Слышь, нельзя так! – нахохлился Шурик.

– Первая минута уже на исходе, – пристально, со всей своей внутренней силой смотрел на него Стас.

– А если я бабу хочу, что мне делать?

Стас промолчал. Он полез в холодильник, достал оттуда картонку с яйцами, кусок ветчины, масло. Очень хотелось есть, да и сто граммов для согрева никак не помешают.

– Ну хотя бы еще десять минут! – сбавил обороты Шурик.

Стас молча зажег конфорку, поставил на огонь сковороду, бросил на нее кусок масла.

Шурик вышел из кухни, но прошло не меньше получаса, прежде чем хлопнула входная дверь. Похоже, прежде чем выгнать брюнетку, он успел с ней закончить. И во время не уложился, и Стаса удовольствия лишил... Пристрелить его, что ли?

– Я тебе сказал, пять минут!

– Ух ты, яишка! – в предвкушении ужина потер ладони Шурик.

– Ты что, не слышишь меня?

Стас повысил голос, но тому как об стенку горох.

– Да ладно тебе, где пять, там и двадцать пять... Давай на мировую, чтобы не цапаться! –

Шурик достал из холодильника бутылку водки, скрутил пробку. – Холодненькая, в самый раз...

– Холодненько на улице, если ты не знаешь! – рыкнул на него Стас.

В принципе, он добился своего. Не так уж и важно, что Шурик не уложился в отведенное время, – главное, что выполнил приказ. Теперь он знает свое место. Правда, на его слова почему-то не реагирует. Набил рот яичницей, щеки надуты, как у хомяка, сидит, жует, зажмурив от удовольствия глаза.

...Стас ушел с рынка не сразу. Сначала дождался, когда подъедет милиция, чтобы из толпы посмотреть, как будут работать опера – с энтузиазмом или спустя рукава. Он видел, как они допрашивали охранников, даже подошел к ним, чтобы послушать, о чем они говорят между собой. Один опер, немолодой уже, матерый, с волчьим взглядом, так посмотрел на него, что душа в пятки чуть не ушла. Хорошо, что на этом все и закончилось. Оперативник не стал подходить к нему, проверять документы. Хотя взглядом, похоже, сфотографировал.

– Да слышу, слышу, чего орать? – скривился Шурик.

– Ты зачем людей убил?

– Да какие это люди? Нормальные люди орать на тебя не будут. Нормальный человек подойдет, вежливо спросит, что за дела, где тут старушку через дорогу перевести можно. А эти давай наезжать... Нельзя на меня орать, когда у меня ствол под рукой! Вот ты сейчас можешь на меня наезжать, потому что я волюну сбросил...

– Чего?!

– Волюну сбросил. Она же паленая, нельзя ее с собой таскать... Ну чего я тебе объясняю?

– Я понимаю, что паленая. А как мы теперь клиента валить будем?

– У тебя ствол есть.

– Это мой ствол, понял? И я его тебе не отдам!

– Да ты не жужжи, у меня еще есть...

Шурик нехотя поднялся и вышел из кухни, а минут через пять вернулся с пистолетом в руке. Все тот же «ГТ», но без внешних нарезков на стволе.

– А глушитель ты на что накручивать будешь?! – взвыл Стас.

– Ты что, не понял? – пристально, с угрозой посмотрел на него Шурик. – У меня ствол. Там в обойме восемь «рыжиков», понял? Я сейчас на тебя обижусь, и все...

Взгляд у парня заледенел, от него повеяло такой стужей, что Стас невольно поежился.

– Ты, может, и старший, но ты будешь у меня на подхвате, понял? Не ты стрелять будешь, а я. И нечего тут права качать... А девку ты все же зря прогнал, – пренебрежительно хмыкнул Шурик.

Увы, но парень был прав если не во всех, то во многих отношениях. Шеф назначил Стаса старшим в их дуэте, но только потому, что доверял ему больше. Однако на спусковой крючок будет жать Шурик: у него и опыт, и мастерство. Он вообще большой специалист по мокрым делам.

– Тачку взял? – почувствовав чужую слабинку, жестко спросил парень.

– Да выбрал... Хотел, чтобы ты посмотрел, возвращаюсь назад, а там два трупа. И тебя нет... Я на рынок вернулся...

– Значит, все-таки взял тачку?

– Гонишь? Какая может быть тачка, когда у тебя два трупа? Не до тачки, когда менты на хвосте...

– У кого менты на хвосте, о чем ты? Нормально все. Менты на разборки все спишут, а мы здесь люди левые, мы не при делах, нас никто не знает, а потому не вычислят...

– От машины надо избавляться, – недоверчиво посмотрел на Шурика Стас.

– Ага, сейчас, только бампер начищу... Она у меня вся в грязи, номеров не видно...

– Ну, мало ли что.

– Не стремайся, нормально все будет. Пару деньков здесь отсидимся, а потом за дело. Бабки отрабатывать надо...

Шурик устало махнул рукой, давая понять, что разговор окончен. Яичницу он уплетал со смачным чавканьем, громко и с улыбкой выдыхая воздух после очередной стопки. Чувствовалось, что парень доволен жизнью. И квартира теплая, и бабу только что отлюбил, и еда сытная, и выпивка пьяная. Хорошо ему. А у Стаса на душе кошки скребли. Не нравилось ему поведение напарника, нехорошее предчувствие одолевало. Не так было страшно попасть в лапы уголовному розыску, как не исполнить заказ. За это им не только в деньгах откажут, но и в праве на жизнь...

Глава 2

1

Кто-кто, а Тереха точно знал, что рукопашная схватка в голливудском боевике и в реальной жизни отличаются примерно так же, как динозавры от ящерицы. В кино все просто, «кия-кия», и двое уже на полу со сломанными челюстями. «Кия-кия-кия», и еще трое валяются в нокауте. А в жизни так может быть, если ты обладатель черного пояса, а против тебя вышла детсадовская ребятня из песочницы. В жизни и уличная шпана без особой подготовки представляет опасность – даже для мастера. Был недавно случай. Касым, лучший боец в бригаде, возвращался домой поздно вечером: остановил его в подворотне молодняк с гитарой – дядя, дай закурить, все такое. Касым разозлился, одному пяткой в нос дал, другого кулаком по хребту причесал, а третий его самого с ног сбил. Навалилась на него толпа и так нагрозила, что Касым до сих пор под капельницей в реанимации лежит. Отморозков, конечно, наказали, но дело не в этом. В реальном бою противник не соблюдает никаких правил, как в кино: здесь на героя-одиночку наваливаются скопом...

Вот и сейчас бойцы все разом набросились на девчонку. Только что пытались быть джентльменами, сначала один на нее надел, затем другой... Первому она пробила пяткой брюшной пресс в области печени, второму костяшками пальцев прощупала кадык, третьему кулаком размяла солнечное сплетение. Всем накидала, как в кино. Ребята крепкие, на ногах устояли, но церемониться с ней больше не хотят. Вот они всем скопом ринулись на нее, разом с трех сторон. Здоровые парни, а девчонка невысокая и даже не плотная. Они же сейчас ее растопчут...

Ну вот, она уже почти легла на татами. Только сдаваться не хочет. Одному бойцу врезала кулаком по «ахиллесовой пяте», что болтается у мужчин между ног. Стремительно, в перекате вынырнула из-под второго, жесткой подсечкой сбила с ног третьего, молниеносно поднялась, в прыжке ударила ногой в спину... Она юлой кружила по татами, пока не уложила всех троих.

– Браво! – захолопал в ладоши Тереха.

Он тоже был в кимоно, как и все, кто находился в зале, и также был разогрет для спарринга, но что-то не хотелось ему мериться силами с этой бой-девчонкой. Да и не для того он приглашал ее сюда, чтобы сходить в поединке.

– Всем спасибо, все свободны! – засмеялся он, глядя на своих горе-бойцов, что с кислыми физиономиями медленно отклеивались от пола. – А ты останься! – Он указал пальцем на раскрасневшуюся от натуги девушку.

Она определенно была хороша собой. Волосы, правда, от природы слишком курчавые, считай, одуванчик на голове, это Терехе не очень нравилось. Но в остальном все у нее на месте – и глаза большие, с бирюзой, аккуратный, задорно вздернутый кверху носик, широкий полногубый рот...

Вчера, когда она приходила к нему в офис наниматься на работу, на ней было дешевое, но в обтяжку платье, что подчеркивало прелести ее фигуры – высокая упругая грудь, тонкая талия, развитые бедра. Ноги далеко не самые длинные, но ровные и сильные, и попка соблазнительно выпуклая. Но тогда Тереха едва обратил на нее внимание, зато сейчас интерес разыгрался не на шутку. Рукопашный бой – его конек, он уже пятнадцать лет успешно занимается им, обеспечивая тем самым себе авторитет среди братвы. Когда-то начинал с драк, отвоевывая свою улицу от чужаков, приходилось на кулаках и битах выяснять отношения с более серьезными ребятами из команды Тельца. Потом в ход пошло более серьезное оружие – стволы и гранаты, но кулаки «на гвоздь» он не повесил. Спортзал через день – тренировки, спарринги.

Но все равно не без опаски выходил против этой чудо-девчонки. А победа над ней все-таки ему была нужна. Хотя бы для того, чтобы потешить самолюбие.

– Женя, ты вызвала мои бурные продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию, – заигрывающе улыбнулся он.

– А как насчет работы? – вопросительно и внутренне зажато посмотрела на него девушка.

– Еще через тир надо пройти.

Тереха искал телохранителя для своей молодой жены. Мила нигде не работала, но часто выезжала в город. Салонами красоты она не слишком интересовалась, фитнесом не увлекалась вовсе, к бутикам была равнодушна, но в городе у нее жили родители, она часто навещала их. Отказать ей в этом праве Тереха не мог, но ревновал жену к каждому столбу, поэтому и не хотел приставлять к ней мужчину. А вот девушка была бы в самый раз. Женя пришла к нему по объявлению, он пропустил ее через спортзал, где она блестяще выдержала испытание.

– Стрелять я умею, – не очень уверенно сказала девушка.

– А чего так скромно? – заметил Тереха. Сам же и догадался: – Хочешь сказать, что дерешься ты лучше, чем стреляешь?

– Да, это у меня получается лучше, – кивнула она.

– Ничего, стрелять мы тебя научим. И оружие выдадим... Только вот мужчин любить не сможем научить. Ну, думаю, что не сможем...

– При чем здесь мужчины? – насторожилась Женя.

– Ну как же, а вдруг ты предпочитаешь женщин? Сказать, как это называется?

– Я знаю, как это называется. Но почему вас это интересует?

– А вдруг ты начнешь приставать к моей жене?

– Это исключено, я не лесбиянка.

– А как мы можем это проверить?

Тереха не побоялся обнять Женю за талию, привлечь к себе. Что-то подсказывало ему, что девушка не посмеет его бросить – в прямом, разумеется, смысле этого слова.

– Не знаю, – пожала она плечами.

Все девушка прекрасно знала, поэтому и оставляла последнее слово за ним. Он чувствовал, что Женя позволит ему проверить, как она относится к мужчинам, – если, конечно, он проявит настойчивость.

– Тебе, наверное, надо принять душ? – рекомендательным тоном спросил он.

– Было бы неплохо...

– Пойдем, я покажу тебе, где у нас женский душ.

Тереха уже давно держал шефство над Домом спорта Промышленного округа. Сделал капитальный ремонт здания как изнутри, так и снаружи, установил в залах спортивный инвентарь, в подвале оборудовал сауну и небольшой бассейн для своих. Утром и днем здесь занимались дети, а после шестнадцати ноль-ноль Дом спорта закрывался, и Тереха становился здесь полным хозяином. Его бойцы тягали железо, молотили боксерские груши и друг друга. В основном здесь занимался мужской контингент, у них были и раздевалка большая, и душевая комната. Для женщин тоже имелась душевая комнатка, и находилась она на первом этаже, у запасного выхода. Нужно было сделать несколько поворотов по сумрачному коридору, чтобы туда попасть – непосвященный человек мог и заблудиться.

По пути в душ Женя зашла в раздевалку, забрала оттуда свои вещи.

– Еще у нас душевая в сауне есть, – сказал Тереха и мягко, покровительственно положил руку на плечо девушке.

– Сауна, наверное, холодная? – не отстраняясь, спросила она.

– Ну да, растапливать придется, – согласился Тереха. – Но и в душе не жарко...

– А горячая вода?

– Обижает. В нашей Греции есть все...

В душе, может, и не жарко, но отопление работает неплохо, и голышом там не замерзнешь. А ведь он собирался войти туда и раздеться, чтобы вплотную заняться Женей, чтобы взять над ней верх в эротическом поединке. И это случится, если она все поняла и оставит дверь открытой. А если не поняла и закроется, то надо будет искать другой случай...

Но девушка не стала закрывать дверь на защелку. Значит, она внутренне готова уступить ему. Значит, она не окажет ему сопротивления, чего он, признаться, боялся. Что ж, одной победкой сегодня будет больше...

Тереха выждал время, пока девушка разденется и смоев пот со своего тела, решительно взялся за ручку двери, открыл ее и зашел в душевую.

Женя стояла у окна. Стекло хоть и было покрашено белой краской, но все равно хорошо пропускало свет, и девушка, казалось, испускала притягательное сияние. Такое же притягательное, как и ее обнаженное мокрое тело.

Тереха закрыл за собой дверь на защелку, стал раздеваться. Женя старательно делала вид, что не замечает его.

Он уже совсем разделся, когда почувствовал, как поток студеного воздуха заохлодил ноги. Похоже, кто-то открыл запасной вход, отсюда и сквозняк, проникший в душевую через щель между дверью и полом. Но это все мелочь по сравнению с тем, что предстояло Терехе. Женя доступна, шашки наголо, сейчас, сейчас...

Девушка не стала поворачиваться к нему лицом, но подалась к нему задом, когда он положил ей руки на бедра. Руками взялась за смеситель крана, забросила голову назад, выгнула спину, развела в стороны ноги. Уже разогрелась... Но все-таки Тереха не исключал подвоха. Вдруг она заманивает его в какую-то западню? Что, если в самый последний момент она возьмет его на прием или пяткой отобьет мужской интерес?

Поэтому он чувствовал себя альпинистом, взбирающимся на действующий вулкан. За веревку он не переживал – она была крепкой и натянута твердо; его пугала огненная лава, которая могла выплеснуться на голову. Но извержение случилось лишь после того, как он добрался до самого жерла и развел в нем бушующий огонь. Тело девушки со стоном содрогнулось, задрожало под натиском внутренних сил, и он, не в силах больше сдерживать себя, сам превратился в извергающийся вулкан. Хлынула лава, затряслась земля, но вскоре все стихло, и остался только шум дождя, банально, совсем не романтически льющегося на голову из душевой лейки.

– Если Мила узнает, убью, – наслаждаясь маленькой победой, незлобно пригрозил он.

– А на работу меня берете?

Кто о чем, а вшивый о бане. Видно, деньги девчонке нужны, подумал Тереха.

– Да, на полную ставку. И на вставку тоже...

– Ваша Мила ничего не узнает. Во всяком случае, от меня.

– И ты забудь, что было...

Он добился своего, и Женя ему больше была не нужна. А если вдруг затяжелеет, он оплатит ей аборт... Хотя, если наметится сын, пусть рождает. С такой мамкой сын будет настоящим мужчиной. Наверное...

– Уже забыла.

– Умница.

Тереха шлепнул девушку по ягодице и стал одеваться. Хлопчатобумажное кимоно и пот хорошо впитывает, и воду с мокрого тела в себя вберет, так что можно обойтись без полотенца.

Он оделся, в тапках на босу ногу вышел из душевой, но не сделал и нескольких шагов, как увидел бородатого человека в технической робе и резиновых сапогах. С плеча у него свисал моток проволоки для прочистки канализации, в одной руке он держал ящик с инструментом, а в другой – пистолет с глушителем...

2

Потапов любил смотреть на облака, особенно когда они были еще маленькие, темные и светлые вперемешку. Иногда эти облака составляли на небе такую композицию, что перед ней меркли знаменитые китайские узоры, которыми так любят баловать себя современные любители татуировки. У него не было чернильных наколок, если не считать эмблемы ВДВ на левом плече. Если бы Михаил и захотел сделать себе тату, то выбрал бы этот рисунок, что видел сейчас из окна. Это была небесная картина на морскую тему: бригантина со сломанными мачтами и спутанными парусами лежала на штормовой волне, а вокруг бушевал океан. И красиво, и дух захватывает...

– О чем задумался? – слышалось за спиной. – Или о ком?

Это был полковник Мухин, начальник управления. Леонид Сергеевич был еще подполковником, когда началась их совместная служба. Семь лет прошло с тех пор, а иногда кажется, что целая вечность.

– Да так, тихо вдруг стало, в окно глянул, – Михаил взглядом показал на него. – А там шумно.

– Чего шумно? Ни молний, ни грома. И дождя вроде не будет...

– Все равно небо шумит. Шторм вижу, корабль... Только не пойму, почему мачты сломаны. Штормит вокруг, а мы плывем. Плывем, плывем, с бандитами воюем, а их меньше не становится...

– Ну как же не становится? Раньше у первомайских сколько штыков было? Сотни две, не меньше, а сейчас если полсотни наберется, и то хорошо...

– Да, но Тереха остался, Архар, Барабас... Все на месте, все цветут и пахнут. Нехорошо пахнут... Как говорили римляне, труп врага хорошо пахнет, а этих никакая зараза не берет...

– Ты же знаешь, договор у них друг в друга не стрелять.

– Знаю, – кивнул Потапов.

Когда-то Тереха, Архар, Череп и Барабас были друзьями – не разлей вода, а потом кто в лес пошел, кто по дрова, единый пирог поделили на четыре куска, но при этом был заключен пакт о взаимном ненападении. Михаил тогда не верил в искренность этого договора, был почти уверен в том, что вскоре кто-то из этих ребят отправится в преисподнюю. Но прошло уже почти четыре года, а это соглашение до сих пор в силе.

– И болото их успокоилось, – продолжил Мухин.

– Чьими молитвами? – усмехнулся Потапов.

Им приходилось работать на износ, чтобы остановить волну криминального беспредела. И сейчас обстановка в городе напряженная. Первомайская братва вроде бы успокоилась, но участились разбойные нападения, грабежи, кражи, воду мутят залетные группировки, да и местная воровская община пришла в движение. А это все организованная преступность – и приходится операм днествовать и ночевать на службе. Хорошо, у Михаила семьи не было, никто не пилит за бездушное отношение к личной жизни. Да и какая может быть семья, когда имеешь дело с отпетой уголовщиной. Всякое может случиться. Жена и дети – это самое уязвимое место, поэтому тем же законным ворами их закон не позволяет жениться.

– На то мы и молимся, чтобы болото не булькало, – кивнул Мухин. – И по штормовому морю ходим... со сломанными мачтами. Только мачту нам не бандиты ломают, а свои же... А-а, что тут говорить!

Это была больная тема и для него, и для всех, кто служил под его началом. Недолго осталось РУБОПу – в Москве уже закон готовится, скоро региональные управления будут расформированы, часть личного состава уволят, а кому повезет, из тех сформируют малочисленные оперативно-розыскные бюро, которые к тому же передадут в подчинение местным УВД. Про-

щай, независимость, прощай, большие штаты... Как загубили президентский указ по борьбе с бандитизмом, так и РУБОП станет жертвой организованной преступности. Но это когда будет, а пока есть возможность, нужно служить.

– Надо бы дембельский аккорд организовать, – после недолгой паузы поделился своими соображениями Мухин.

– В смысле?

– Правильно ты все говоришь, с этой нечистью заканчивать надо. Но как, если у них все по закону? Правда, есть у меня план, но сейчас еще не время. Подземный толчок нужен, чтобы все это болото встряхнулось. Как только это случится, так и начнем...

– И кто этот подземный толчок должен сделать?

– Хорошо, если бы они друг в друга стрелять начали. Череп скоро вернется, у него с Барабасом проблемы; может, грызть друг друга начнут. Тогда и мы вмешаемся. Ладно, не о том сейчас разговор. Как там у тебя дела с двойным убийством? – построжал Мухин.

Лирика закончилась, началась суровая проза.

Мухин и без того знал, что расследование зашло в тупик, но при этом не уставал подстегивать подчиненных. А что мог сделать Михаил, когда не было никаких зацепок по этому делу? «Девятка» была настолько грязная, что даже цвет не установишь, о номерах и говорить нечего. Может, стоит сейчас в городе возле какого-нибудь дома, чисто вымытая, с регистрационными номерами, которые никому ни о чем не говорят. Если, конечно, номера не из другого региона.

Хотя вряд ли машина находится сейчас на видном месте. Преступник не дурак, он должен понимать, что причастность его автомобиля к убийству можно установить по следам от колес, которые он оставил. Впрочем, покрышки и сменить можно. Тем более что зима на носу, народ на зимнюю резину переходит, и срочная переобувка ни у кого подозрений не вызовет.

Еще был след от обуви преступника, но сличить его не с чем, и остается утешать себя тем, что у него сорок третий размер. Слабое утешение, потому что не работает пока эта примета.

Работа со свидетелями тоже толком ничего не дала. Удалось лишь установить, что у преступника вытянутое вперед лицо, выдающийся нос и маленький подбородок, и роста он вроде бы выше среднего. Но ведь видели его издалека, и не факт, что приметы эти верные. Так что фоторобот не составишь.

Результаты баллистической экспертизы тоже ни о чем не говорят. Установлено, что преступник стрелял из пистолета системы «ТТ», но ни по одному делу этот ствол никогда не проходил, а значит, ни к кому привести не мог.

Разумеется, были задействованы внештатные осведомители всех мастей и рангов, но и это не принесло результатов.

Капитан Кормильцев установил, что муж продавщицы Лиды к убийству не причастен, и в этом случае внимания достоин был только метод работы оперативника. Хоть кто-то из отдела получил мало-мальский результат при расследовании этого дела.

– Не нравится мне это убийство, очень не нравится, – рассеянно глядя в окно, сосредоточенно сказал Мухин. – Что-то здесь не так, что-то не то...

В дверь настойчиво постучали, но Потапов ничего не сказал. Обычно, если человек так уверенно стучится, то разрешения он не спрашивает. И точно, дверь резко открылась, и в кабинет вошел дежурный офицер.

– Из Промышленного звонили: там на Старопромысловской убийство. Гражданин Терехин Эдуард Валерьевич...

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев дедушка! – Мухин выразительно посмотрел на Михаила – дескать, не тот ли это подземный толчок.

Потапову ничего не оставалось, как взять под козырек и отправиться к месту преступления. С собой он прихватил своих оперов – Борю Климука и Юру Зорькина.

У главного входа в Дом спорта на Старопромысловской улице стояли две машины патрульно-постовой службы и микроавтобус оперативно-следственной бригады, но труп находился в другом конце здания, в сумрачном коридоре, ведущем к запасному выходу. Однако пробиться к нему было непросто: в коридоре толпились бритоголовые атлеты в спортивных костюмах и с толстыми серебряными цепями на шеях.

– Расступись, братва! – добродушным тоном потребовал Юра Зорькин.

Но никто на него даже не глянул. А один парень молча, не оборачиваясь, показал ему средний палец. Такой вот фокус замороженного факира от слова «фак».

Юра обиженно надул губы и с тоской глянул на Михаила. Казалось, он заранее извиняется за то, что ему придется сделать. Зорькин был крупным парнем и медлительным, как деревенский увалень, но иногда он становился быстрым и резким, как запущенная ракета, причем зачастую происходило это без всякой прелюдии. Стоит себе, молчит в тяжелом раздумье, мгновение – и вот он уже рвет и мечет. Сейчас Юра обозначил какой-то переход из одного состояния в другое, но Потапов не успел его удержать.

Зорькин родился и вырос в деревне, оттуда же призвался в армию. Пролетарская ненависть была ему чужда по факту социального происхождения, но крестьянская бесшабашная удаль впиталась в его кровь с молоком матери. Именно из таких парней вырастали бойцы-стеночники, что ходили драться деревня на деревню, стенка на стенку. И удар у него был такой, что им он мог убить быка. И настоящего, колхозного, с хвостом, и того, что ходит в кожаной куртке.

Однажды Зорькину пришлось сойтись в жестокой схватке сразу с двумя грабителями. Пока он заламывал одного уголовного, другой зашел сзади и ударил его ножом в спину. Но Юре хоть бы хны. Он развернулся, могучим ударом сломал преступнику челюсть, связал его и вместе с напарником доставил в ближайшее отделение милиции. И только затем своим ходом отправился в больницу. Только там и выяснилось, что рана могла оказаться для него смертельной, если бы не железное здоровье.

– Юра! – запоздало спохватился Михаил.

Но Зорькин уже вырвал из толпы неосторожного «факира», заключил его в стальные свои объятия и нагло использовал в качестве тарана, растолкав спортсменов и расчистив себе путь.

– Расступитесь, милиция! – прогудел он, плечом вжимая в стену не захотевшего посторониться братка.

Зорькина могли ударить в спину, хотя в боевом угаре он был способен выдержать любой удар, и Михаил все же собрался подстраховать своего сотрудника на всякий случай. Но, видимо, спортивные парни уже поняли, с кем имеют дело, и не решились дальше качать права.

– А вот и РУБОП! – широко улыбнулся Первушин, глядя, как Зорькин роняет «факира» на пол.

Большие шкафы действительно громко падают, и хорошо, когда под рукой есть человек, который умеет их ронять. Впрочем, и сам Потапов мог бы справиться с таким противником, как нагловатый браток. Если бы возникла необходимость. Но ведь ее не было. Выходит, Юра переборщил в своем усердии.

– Зорькин, плохо себя ведешь, – сказал он. И, обращаясь к Первушину, добавил: – Не советую брать с него пример.

Он говорил это не в шутку, а с самым серьезным видом, чем, похоже, удивил Первушина. Наверное, лейтенант думал, что Михаил должен был поощрить своего подчиненного за такую самостоятельность.

Но при всем своем недовольстве Потапов не собирался распекать Зорькина, во всяком случае, сейчас. Не для этого он приехал сюда. Его интересовало лежащее на полу тело. Это действительно был труп Терехи. Покойный авторитет лежал на спине поперек коридора, раскинув руки. Тело полностью перегораживало узкий проход. На белом запахнутом кимоно отчетливо

виднелись два кровавых пятна, слившиеся в одно. Знакомые два выстрела в грудь, в район сердца.

Судмедэксперт и следователь стояли возле открытой двери, курили, о чем-то тихонько переговаривались. Но чтобы подойти к ним, нужно было переступить через тело покойника. В приметы Михаил не очень верил, но все же воздержался от этого. Тем более у него был информатор в лице Первушина, который стоял в компании с двумя милиционерами из патрульно-постовой службы.

– А где твой начальник? – спросил Потапов.

– В душе, с женщиной, – вполне серьезно ответил Илья, взглядом показав на боковую дверь за трупом.

– А если точнее?

– Если точнее, то со свидетелем. Это она увидела труп и вызвала милицию... Только она не видела, кто стрелял.

– А кто видел?

– Да пока никто... Они бы не стали скрывать, если бы видели, – Первушин кивком показал на столпившихся спортсменов.

– Ну, может, они сами киллера хотят найти, – усмехнулся Потапов, со снисходительной иронией глянув на «факира», который угрюмо стоял у стены, нервно перемещая вес тела с одной ноги на другую и наоборот.

– Да если бы мы его видели, порвали бы, – исподлобья зыркнув на Зорькина, пробасил парень.

– Тоже верно, – согласился Первушин.

– Но не порвали же, – хмыкнул Юра.

– Я так понимаю, убийца вышел через черный ход, – вслух предположил Потапов.

– Там уже Греков с Кузьминым работают, – кивнул Первушин. – Черный ход ведет к оврагу, а за ним промзона, где легко затеряться.

Потапов оставил Зорькина и Климука на месте – пусть походят по зданию, поспрашивают людей, может, кто-то что-то видел. Тем более у Юры наметились отношения с «факиром», который, признав его силу, готов был, казалось, правильно отвечать на вопросы.

– Ну что ж, как говорил Тереха, только через мой труп...

Михаил не помнил, чтобы покойный ныне авторитет так говорил, но ведь так могло быть, фраза-то расхожая. Да и в любом случае майор должен был переступить через его труп, чтобы пройти на выход.

– Киллер тоже через его труп переступал, – усмехнулся Первушин, следуя за Потаповым.

– Ну, это его работа...

– Кстати говоря, знакомый почерк. Два кучных выстрела в грудь.

– Что верно, то верно.

Прежде чем выйти на улицу, Михаил переговорил со следователем. Ему нужно было знать, какие следы оставил преступник.

Эксперты выделили несколько отпечатков обуви на полу возле трупа, но трудно было сказать, кому они принадлежали. Последний раз пол мыли в полдень, прошло несколько часов, за это время по нему мог пройти не один десяток людей. Но, как оказалось, на улице сейчас работал эксперт-криминалист; он снимал с глинистой тропки слепок со свежего отпечатка обуви, который, возможно, оставил убийца.

Киллер не сбросил оружие убийства, с ним и ушел. Судя по тому, что свидетельница не слышала шума, стрелял он из пистолета с глушителем. Почти не оставалось сомнений, что убийство в районе авторынка и это преступление совершил один и тот же человек.

Задний двор Дома спорта не был огорожен; от крыльца заднего хода в сторону подлеска, в овраг, тянулась тропинка, по которой и ушел киллер. Именно ее исследовал сейчас криминалист.

Слева тянулось приземистое здание тира с заложёнными кирпичом окнами, слева находилась пустующая баскетбольная площадка, огороженная сеткой. Возможно, там в момент убийства кто-то был, может, этот кто-то и видел убийцу.

Кроме того, за спортивной площадкой вдалеке высилась крупнопанельная многоэтажка, но преступника оттуда можно было разглядеть разве что в бинокль, так что на дом этот рассчитывать не стоило. Хотя всякое могло быть...

Удастся найти свидетеля или нет, но в любом случае Михаил должен был пройти по маршруту, которым киллер скрылся с места преступления.

– Здорово, Антоныч! Как дела?

– Как сажа бела. Вернее, как гипс, – отозвался криминалист, немолодой уже мужчина.

Сколько помнил Михаил Антоныча, всегда у него был хронически усталый взгляд и нездоровый цвет лица. И в зубах постоянно дымилась «Прима». Но дело свое человек знал.

– Нашел три свежих следа. Один – от кроссовки, другой – от туфли с ребристой подошвой, и еще резиновые сапоги. Я самые четкие выбрал...

Потапов пошел не по тропинке, а по траве вдоль нее. Сегодня утром прошел дождь, глина сырая, следов немало, и непонятно, какой из них принадлежит киллеру.

– А Тереху вы с каких пор знаете? – уважительным тоном спросил Первушин.

– Да уж больше десяти лет. Они тогда власть свою на районе ставили. Веселые были времена...

– Закончилось его время. Давно пора, – с непонятной злостью сказал Первушин.

Потапов удивленно повел бровью. Парень вроде бы, совсем недавно в Многореченске, только начал работать, с местными бандитами знаком понаслышке, а столько злости на них... Хотя был случай на прошлой неделе, когда Тереха на рынке вывернулся на Первушина. Может, отсюда и личная неприязнь к бандиту, наложенная на его профессионально-враждебное отношение к преступному миру...

Стараясь не наступать на тропинку, Потапов спустился в заросший вербой овраг, по дну которого протекал ручей. Здесь он и увидел двух оперативников из Промышленного ОВД. Полноватый Костя Греков сидел на корточках и уныло смотрел на журчащую воду, худосочный Паша Кузьмин стоял рядом и чесал затылок.

– И много воды уже утекло? – в шутку спросил Михаил.

– И вода утекла, и киллер.

Костя показал на выдернутый из земли камень размером с кулак. Тот находился справа от выемки – значит, человек, который ногой вытолкнул его, сместился влево. Именно в эту сторону и кивнул головой Кузьмин.

– По течению ушел. Вот его след.

Но Михаил и сам уже видел четкий отпечаток ноги в шаге от выемки. Похоже на резиновый сапог, причем весьма крупного размера.

– Тут мелко, он, может, даже ног не замочил. Если сапоги высокие.

А опера были в туфлях, и лезть в воду, чтобы повторить путь киллера, никто не хотел. Тем более что вода ледяная. А посуху вдоль ручья не пройдешь, кустарником густо все заросло, верба низко к воде наклонилась.

– Готовился, гад, и сапоги надел, и маршрут просчитал, по этому ручью до старого моста дойти можно. Только вряд ли он туда свернул, где-то раньше вышел. Вопрос, куда. Наверняка к машине. Надо вдоль оврага идти, только непонятно, по какой стороне. И по той стороне дорога, и по другой. Илья, а ты чего здесь? – спросил Греков, заметив Первушина. – У тебя же отгул.

– Отгул. А живу я где? Из дома вышел, смотрю, оперативная у дворца спорта стоит. А что, нельзя?

– Почему нельзя? Можно. Даже нужно.

В кармане у Кости зазвонил мобильный телефон. Вещь в быту необходимая, но дорогая, и не всякий оперативник мог ею похвастать. Впрочем, с каждым годом таких телефонов становилось все больше, и за последнее время они значительно упали в цене. Может, скоро придут времена, когда мобильники станут не роскошью, а привычным средством коммуникации.

– Да... Хорошо, идем.

Костя сложил трубку, вернул ее на место. И, обращаясь к Паше, сказал, что прибыл кинолог с собакой.

– А толку? – скептически хмыкнул тот. – До воды дойдем и застрянем.

Но собака потеряла след еще раньше, на середине пути от здания до ручья. Взяла его в коридоре, бодро перескочила через труп, по тропке побежала к ручью, но споткнулась, унюхав нечто неприемлемое для себя. Щекастый кинолог присел на корточки, провел рукой по глинистой поверхности, посмотрел на ладонь, понюхал.

– Что там? – спросил Греков.

Потапов весь превратился во внимание, Кузьмин тоже насторожился. Первушина с ними не было, он остался у ручья – видимо, там решил дожидаться собаку, а заодно осмотреть место, с которого ушел в ручей преступник. Есть в нем задатки настоящего сыскаря, ничего не скажешь, одобрительно подумал Потапов, но без практики их не разовьешь. Пусть практикуется.

– Как обычно – красный перец, табак и соль, – отозвался кинолог.

Он сказал об этом с такой обидой, как будто его самого сбила со следа эта гремучая смесь, и это у него болел сейчас нос, а не у собаки, которая фыркала, пытаясь избавиться от мерзкого запаха.

– А чего мы хотели, – угрюмо буркнул Греков, – если профи работал... И перца себе за хвост насыпал, и водой подстраховался...

– Профи, – многозначительно глянув на Михаила, подтвердил Кузьмин. – Сначала на авторынке отметился, теперь здесь...

– Ствол искать надо. Он его наверняка в воду сбросил, произнес Потапов.

– Ну, найдем, а толку?

– Это ты у меня спрашиваешь? – удивленно и насмешливо глянул на Грекова Михаил.

– А если он из того же ствола стрелял, что и на рынке? Там же обычный «ТТ» был, а не какая-нибудь «Заморана» венесуэльская...

– Если он профи, то второй раз из одного пистолета стрелять не будет.

– А может, все-таки «Заморана»? Или «Файв Севен» какой-нибудь, назидательно произнес Потапов. – Чем уникальнее пистолет, тем легче отследить его путь от производителя до потребителя. Работа очень сложная, но вполне выполнимая. И благодарная, если в результате будет установлена личность киллера. К счастью, так иногда случается...

– Экспертиза покажет, что за ствол. Гильзы у эксперта, надо глянуть...

Потапов пожал плечами. Гильзу от «ТТ» установить нетрудно – бутылочная форма, калибр семь, шестьдесят два... Ну, а если там будет гильза «девять на девятнадцать» от «параллелума»? Ведь это самый распространенный тип патронов для армейских пистолетов... Но Михаил еще не видел гильз, поэтому не стал ничего говорить.

3

За окнами уже стемнело, накрапывал дождь, с крыши срывались крупные капли, стучали о подоконник. Труп уже увезли, от него остался только меловой контур на полу в коридоре. Но работа продолжалась.

В кабинете главного тренера было роскошно, как в офисе солидного банка: подвесной потолок, крашенные обои, на полу паркет, кожаное кресло на колесиках, два лакированных стола буквой «Г», мягкий уголок с журнальным столиком, витринный шкаф с кубками. Как выяснил Зорькин, здесь расслаблялся после тренировок Тереха. Сейчас он отдыхал в другом месте, а его кресло занял майор Потапов. Он не был тренером и спортсменом себя не считал, но все-таки ему достался переходящий приз – симпатичная девушка по имени Женя.

В кабинете было тепло, но девушка куталась в дешевую куртку, и даже горячий кофе, казалось, не мог ее согреть. Или правда холодно, или она жертву из себя изображает.

– Сколько можно допрашивать? – вяло возмутилась она. – То одни, то другие, теперь третьи...

Увы, но Потапову пока некогда было заняться гражданкой Корневич – то одно, то другое. Информацию нужно было собрать, обобщить, хотя бы частично проанализировать. Но сейчас хоть какие-то карты уже были на руках, и разговор с ней мог выйти обстоятельным... Карты на руках. Мелкие карты, ни одного козыря. Но, как говорится, лучше что-то, чем ничего.

– Мы не третьи, – покачал он головой. – Мы первые. Мы будем работать по этому делу. Мы, РУБОП. Бандиты и заказные убийства – это наша епархия, и вы должны это понимать.

– Но я ничего не видела... То есть видела труп, но убийцу не видела. Сколько можно об этом говорить?

– И выстрелов не слышали?

– Нет... Вода лилась, шумно было.

– То есть вы принимали душ?

– Да. И об этом я уже говорила...

– А чем вы в душе занимались?

– Как это чем? – удивленно и возмущенно посмотрела на Михаила девушка. – Душ принимала!

– С кем?

– Сама...

Выдали Женю глаза. Впрочем, Потапов и без того знал, что девушка говорит неправду. Он точно не представлял, кто просветил Зорькина – обиженный им «факир» или кто-то другой из «почитателей» его бойцовского таланта, – но оперативник откуда-то узнал, что в душевой девушка была не одна. Хотя и без этого можно было догадаться, что Тереха посещал душ в компании с Женей. Волосы у него были влажные, и кимоно он надевал на мокрое тело. В протоколе осмотра это было четко отражено.

– А вот у нас есть сведения, что гражданин Терехин заходил к вам в душевую комнату...

– Э-э... ну, заходил, – покраснела девушка.

Жаль, что добровольный осведомитель не видел, как Тереха выходил из душа. Впрочем, дотошный Климук сумел найти других свидетелей – двух подростков, которые в момент убийства играли с мячом на баскетбольной площадке. Они-то и видели бородатого сантехника в технической робе и резиновых сапогах. Только вот описать его толком не смогли, хотя и сказали, что у него был большой нос. И еще им запомнилась борода, пышная, почти как у Деда Мороза. Скорее всего, накладная.

– Зашел поговорить, – продолжала Женя.

– О чем?

- Что принимает меня на работу...
- И долго вы с ним разговаривали?
- Минут десять. Потом он ушел, я приняла душ, оделась, вышла в коридор, а он там лежит... Ужас!
- Милицию вызвали вы?
- Да, у меня телефон был сотовый, я позвонила.
- Где вы работаете? – вдруг резко, без перехода спросил Потапов.
- Нигде. Эдуард Валерьевич обещал мне работу, нанял меня жену его охранять... Я карате занималась, он меня сегодня в рукопашке смотрел, решил, что я подхожу...
- А до этого где работали?
- Секцию вела...
- На жизнь хватало?
- Да как вам сказать... Какие у нас в Даниловце деньги? Так, слезы платили...
- И на телефон насобирали, да?.. У вас телефон сотовый марки «Sony», такой сейчас тысяч десять стоит. Откуда у вас такие деньги?
- Да какие десять тысяч? Мне за тысячу на вокзале продали...
- Хотите сказать, что телефон ворованный?
- Да нет, я этого не говорила...
- А может, не ворованный? Может, вам его подарили? Чтобы вы сообщили кому надо, что Терехин с вами в душ собирается?
- Вы думаете, что я была в сговоре с убийцей? – Женя привстала со своего места от возмущения.
- Скажем так, предполагаю... Убийца знал, что Терехин будет в душе, у него был ключ, которым он открыл запасную дверь, подкараулил жертву, когда он выходил от вас... Без помощника он бы не справился с этой задачей.
- Надо будет изъять у девушки телефон под предлогом того, что он может быть ворованным, и через сотового оператора пробить все исходящие звонки – может, по ним удастся выйти на киллера, решил Потапов. Если, конечно, Корневич действительно связана с ним. А такой вариант не исключен.
- Киллер подготовился, он очень хорошо подготовился, но все равно сам бы он со своей задачей не справился...
- Но я ему не помогала! – запаниковала Женя.
- Тогда почему вы позволили Терехину остаться с вами в душе? У вас что, любовь была?
- Мне очень нужны были деньги. У меня мама больная, ей лекарства нужны, я приехала в город, хотела в охранную фирму устроиться, а меня к Терехину направили. Между прочим, мне пятьсот долларов в месяц пообещали. Я таких денег в руках никогда не держала! Я даже не знала, как его благодарить...
- И про маму вашу мы узнаем, и про лекарства. Все узнаем.
- Да вы и так все знаете! – вдруг зло сощурилась девушка. – Знаете, что я три года отсидела, потому и хотите повесить на меня всех собак!
- Три года отсидела? – Михаил всем своим видом дал понять, что для него это новость. – Это уже интересно... За что, если не секрет?
- Превышение пределов необходимой обороны. А где они, эти пределы, когда их трое было, и у одного – «розочка» из бутылки!.. Я ему этой же «розочкой» по морде... Глаз и вытек...
- Казалось, девушка вот-вот расплачется от обиды. И не похоже, что это была игра. Впрочем, причастна она к убийству или нет, повод для тревоги у нее есть в любом случае.
- Имей в виду, мы все слухи проверяем, – предупредил Михаил. – И версии тоже. Поэтому пока побудешь у нас в управлении. Все равно тебе жить негде...

– Да я бы домой сегодня уехала, – кисло посмотрела на него девушка.

– Нет, лучше у нас побыть.

– Где, в изоляторе?

– У нас хорошие камеры, после ремонта, и питание приличное – не ресторанное, конечно, но из столовой. Телевизор для тебя поставим...

Михаил сам повез Женю в управление и оперов своих забрал. Половина десятого вечера уже, но рабочий день еще не закончен. Неуютно в бандитском доме спорта, и мысли разбегаются, зато в родных стенах мозговой штурм может хоть что-то дать. А им как воздух нужна идея, которая могла бы вывести их на киллера...

Глава 3

1

Мраморные стены, гранитный пол, холодный свет неоновых ламп в хромированных нишах подвесного потолка. Зал пафосный, большой, гулкий, и так неуютно в нем, что хочется поскорее уйти отсюда.

Но Сергей Архаров сам пригласил на встречу Вадима по кличке Барабас, своего бывшего друга. Ресторан построил Тереха; по взаимной договоренности братков это была нейтральная территория, хотя и находилась она в Первомайском районе, который контролировал Сергей. Отделочные работы здесь уже закончились, осталось только завести в заведение мебель и оборудование. Но не успел Тереха...

– Может, здесь прощание с ним устроим? – спросил Барабас.

Кличку свою он получил еще в далеком детстве – за то, что избил парня из соседнего двора, которого все называли Буратино. С тех пор и повелось – Карабас-Барабас. Тогда и Тереха был жив, и Валера Черепанов не мотал срок.

Было время, когда они собирались вместе в жаркой уютной баньке, где было весело, где пиво лилось рекой, где знойные девы не давали покоя. Но эти времена давно уже канули в Лету, и ушло тепло между друзьями, как жар из каменки...

– Поговори с его женой, можешь наедине, – предложил Архар. – Тебе же нравится его жена?

В другое время этот вопрос прозвучал бы иначе – не было бы в нем злого сарказма, как сейчас. Естественно, Архар не стал бы задавать его в присутствии Терехи, чтобы не оскорбить его чувства. А его молодая жена действительно впечатлила Барабаса. Видел Архар, какими глазами тот смотрел на нее на свадьбе.

Женился Тереха зимой этого года, и хотя он перестал считать Архара и Барабаса своими друзьями, на свадьбу их все-таки пригласил. Правда, не по-людски все вышло. Барабас напился до поросячьего визга, полез обниматься к невесте; Терехе стоило усилий, чтобы не врезать ему тогда по морде. Зато сам Архар начистил физиономию кому-то из родственников молодой жены. Терехинские «быки» стали разнимать, но его бойцы вмешались, завязалась драка. Все бы ничего, если бы они с Терехой были друзьями. А так – и не друзья, и не враги. Поэтому и остался на душе осадок.

– Это ты на что намекаешь? – насупился Барабас.

В зале совершенно не было мебели, но Архар не требовал кресел, потому что хотел стоя почтить память погибшего друга. Сейчас он снова считал погибшего Тереху своим другом и действительно скорбел.

Они разговаривали стоя, и Барабасу не надо было вскакивать с кресла, чтобы встать в стойку. А драться он умел, и удар у него был убойный. Но Архар не дрогнул под его пока что моральным натиском и скривил губы в безмятежно-пренебрежительной улыбке.

– А чего ты завелся? Может, рыльце в пушку?

– Чтобы я Тереху предал из-за бабы?!

Барабас резко развел полы своего пиджака жестом, которым особо горячие головы рвут на себе тельняшки.

– Угомонись! – сверкнул взглядом Архар.

Его косматые черные брови грозно сошлись над переносицей.

– А чего ты за Милу разговор завел? – сбавил обороты Барабас.

– Да так, вспомнил, как ты на свадьбе на нее смотрел, – смягчился и Архар.

Ссора с бывшим другом не входила в его планы.

– Ну, понравилась она мне... Но ты же знаешь, с кем я живу...

– Почему я должен это знать?

– Потому что пасешь за мной.

– Я за тобой пасу? Ты в своем уме?

– Только давай без «ля-ля»! – скривился Барабас. – Я за тобой пасу, ты – за мной. Менты пасут за нами... А что, не так?

Архар сдался перед этой кажущейся душевной простотой. Он действительно наблюдал за Барабасом по мере возможности. Говорить Архар об этом не стал, но в некоторых случаях молчание – знак согласия. Это был как раз тот случай.

– Лика у меня «Мисс Волга», если ты не знаешь...

Архар ничуть не изменился в лице, но Барабас даже не понял, что это был дипломатический ход с его стороны.

Прежде чем стать «Мисс Волгой», Анжела Малицкая выиграла городской конкурс красоты, в жюри которого председательствовал Архар. Девчонка действительно была хороша собой, и он запросто мог бы попробовать ее на вкус. Более того, она сама напрашивалась на постель, без особых тонкостей намекая, что готова сделать *это* «сейчас и по-быстрому». Архар отказался от ее услуг, но девчонка перепрыгнула с него на другого члена жюри. Только Барабасу вовсе не обязательно было об этом знать...

– Мне все равно, с кем ты живешь. Не о том разговор. Мы с тобой здесь не для того, чтобы обсуждать личную жизнь. Нам нужно подумать о жизни вообще... Меня очень интересует, кто убил Тереху.

– Ты думаешь, меня это не интересует? Или ты считаешь, что я в курсе, кто его сделал? На меня думаешь?

Архар смерил его ледяным взглядом. Иногда молчанием можно сказать больше, чем целой тирадой. Барабас и без слов понял, что снова хватил через край.

– Что-то меня сегодня заносит, – повiniлся он.

– Это плохо. Но еще хуже, что Терехи больше нет.

– Я здесь ни при чем.

– Хотелось бы верить.

– Может, это Череп? – выдал вдруг Барабас.

– Череп?! – От удивления Архар взял более высокую ноту, чем обычно. – Зачем ему это?

– Он звонил мне недавно, спрашивал, как там его пашни поживают. Предъявил мне, что я на его пашнях свои бабки выращиваю...

– А разве не так?

– А с каких паев ему бабки на счет сливаются?

– У него автосалон, автосервисы, магазины. С них бабки на его счет идут.

– И с охранной фирмы тоже идут. Реальные бабки.

– Насколько реальные?

– Ты что, тоже предъявлять мне будешь? – вздыбился Барабас.

Теперь сам Архар понял, что пересолил разговор.

– Пусть этим Череп занимается. У него с тобой договор был, а не со мной, вы сами с этим и разбирайтесь...

Стоило признать, что Архара обошли с этим договором. Череп мог бы ему доверить свои территории, но он выбрал Барабаса. Обидно, но не смертельно. Во всяком случае, никто за это не заплатил своей жизнью. А ведь можно было бы грохнуть и Барабаса, и Черепу заодно. Задача несложная, если отбросить личные мотивы. Только вот не получается от них отмахнуться, и не поднимается рука ни на кого из них.

– Да мы-то разберемся... Если он сам со мной не разберется, – стиснул зубы Барабас.

– Ты бы определился, с кем Череп хочет разобраться, с тобой или с Терехой.

– А это хитрый ход такой: типа, ты подумаешь, что это я Тереху заказал, и сам на меня войной двинешь. Или я на тебя подумаю. Короче, или я тебя порешу, или ты меня. Если ты меня сделаешь, то Череп тебя одного потом завалит, чтобы весь город под себя взять. Моя братва за ним пойдет, и твои архаровцы тоже, потому что Череп для наших пацанов свой. Если никто не узнает, кто нас на тот свет отправил, то Череп легко город под себя возьмет.

– Череп в колонии, руки у него короткие, – покачал головой Архар.

– Да уж, короткие, если он мне с мобильника звонил... Киллера нанять хоть откуда можно – хоть с тюрьмы, хоть с Луны, лишь бы бабки были. А у Черепа доступ к банковским счетам. Надо бы глянуть, кому он бабки перечислял; может, заказ ими оплатил. А может, он в лагере киллера нашел. Мокрушник на волю выходит, денег у него нет, а тут такая маза. Я тебе так скажу: в тюрьме даже больше возможностей, чем на воле.

Архар молча покачал головой. Не верил он Барабасу, но и признаваться в этом не хотел. Ведь в этом случае придется обвинить его в том, что он пытается натравить его на Черепа. А это конфликт, возможно, с кровавой развязкой. Но ведь можно видом выразить свои сомнения насчет честности Барабаса.

– Да ты сам подумай, откуда эта баба взялась? – зывал Вадим.

– Какая баба? – не понял Сергей.

– Ну, баба, которую Тереха к себе на работу хотел взять. Каратистка. Она, говорят, трех его «быков» на раз уделала. Он хотел, чтобы она жену его охраняла.

Барабас мог бы не утруждать себя объяснениями – эту историю Архар знал и без него.

– Ну и?

– Он ее в душе мочалил, а когда вышел, киллер нарисовался. Говорят, какой-то сантехник... Никто не видел, как он Тереху валил. Может, эта баба его завалила, а на сантехника все спихнули.

– А куда она ствол дела? Я в курсе, менты все перерыли, ствол не нашли. И пацаны искали, ничего.

– Ну, может, заныкала капитально, в канализацию сбросила...

– В канализацию... – мрачно усмехнулся Архар. – Раньше мы не разлей вода были, а сейчас канализация – единственное, что нас объединяет.

– Да, но менты ее у себя держат, значит, в чем-то подозревают.

– Потапыч свое дело знает. Если она Тереху завалила, он ее раскрутит. А если и она, что с того?

– Ну, если ты в курсах держишься, то должен знать, что девка эта срок мотала. Полгода назад откинулась. Может, Череп ее по тюремной почте нанял.

– А почему Череп? Может, Байбут...

Барабас вздрогнул, как дрессированный тигр на тумбе, над ухом которого щелкнули кнутом. Какое-то время он молчал, напряженно переваривая услышанное. В зале установилась звенящая тишина, которая, казалось, вот-вот разлетится от громового взрыва. И у самого Архара на душе стало вдруг неуютно.

Байбут – старый вор, матерый, у него в городе несколько бригад: автоугоны, контрафакт, наркотики, квартирные кражи, уличные грабежи и все такое прочее. Сам он, конечно, этими делами напрямую не заправляет, как бы в стороне держится, но процент на общак имеет солидный. И бойцы у него реальные, такие, что к нему не подступишься. И «торпеду» по чью-то душу послать ему не проблема. А самого его лучше не трогать: за ним стоит сильный воровской клан, в котором он большая величина. Да и не достать его – он сейчас в городском изоляторе, там у него камера со всеми удобствами, оттуда он дергает за нужные ниточки, чтобы дело его и на плаву держалось, и вперед шло без всяких сбоев.

– Да нет, я не думаю, что это Байбут, – покачал головой Барабас. – Зачем ему все это? У него свои дела, у нас свои. Процент он свой получает, зачем ему нас трогать?

– Может, его процент не устраивает? Может, мало?

– Ну, ты же знаешь, по таким делам сначала стрелу забивают, разбор, все такое...

– А был у него разбор. Из-за «Подмоста». Тереха не давал ему угнанные тачки сбывать и кидал гонял, карманников...

– Так миром же договорились.

– Мир заключили, а камень за пазухой остался. Сначала пацанов терехинских завалили, а потом и его самого. С авторынка все началось. Улавливаешь момент?

– Ну, я и сам по этой теме думал, – пожал плечами Барабас. – Но я не думаю, что это Байбут. Из-за Терехи война может начаться, а ему беспредел не нужен. – Барабас пристально, напряженно посмотрел на Архара. Так он обычно глядел на собеседника, собираясь его в чем-то обвинить. – Признайся, положил глаз на Промышленный район?

– Ты не мент, и я не на допросе, чего я признаваться должен? – окатил его ледяным взглядом Архар.

– А я признаюсь. Территория не должна оставаться бесхозной, и ты это прекрасно знаешь.

– И что?

– Куски там сытные: железо, цемент, химия...

Заводами в Промышленном районе владели серьезные люди, но Тереха все равно получал с них солидный процент, причем вполне легальным образом, в качестве платы за охранные услуги. Охранное предприятие у него, караульные точки на всех заводах, служба идет, денежки капают. И очень хорошо капают, если роскошный ресторан в центре города построил. Да и дом у него – высший пилотаж.

– Вот я и думаю, – продолжал гнуть свое Барабас, – что добро не должно пропадать.

– Тереху еще не похоронили, а ты уже о наследстве думаешь.

Архар и сам почувствовал, что его упрек был нафарширован фальшью. Чего уж греха таить, он и сам собирался обсудить вопрос о наследстве.

– Только давай без всяких, – поморщился Барабас. – Если бы Тереха сам помер, а то убийство, менты долго тянуть будут, не скоро его похороним. За это время Килотонна раскрутится, все под себя возьмет.

Килотонной называли Диму Затулина за его габариты и взрывной характер. В первомайской команде он был с самого начала. На одной из разборок с бойцами Тельца его серьезно покалечили, но парень выжил, вернулся, что называется, в строй. Старая гвардия, одним словом. После большого раздела он остался с Терехой, и все это время был его правой рукой. Но амбиций у него с лихвой, и никого не удивит, если он захочет прибрать к рукам территорию покойного босса. Вряд ли терехинские откажут ему в праве на это. Если, конечно, вовремя не подсуетится.

– Все может быть, – кивнул Архар.

– Вот я и думаю, что наследство надо оформить. Тереха был нашим братом, нам он все и должен был завещать.

– А если короче?

– По идее, нужно поделить все поровну. Ну, а еще есть такое понятие, как справедливость! – заявил Барабас.

– О как! – в недобром предчувствии посмотрел на него Архар.

– Трое нас осталось – ты, Череп да я. На троих и надо все делить. А как Промышленный район делить? С Западным все понятно, там Басурма течет, пополам все делит...

Архар исподлобья глянул на Барабаса. Он уже понял, к чему тот клонит. Не зря зашел разговор о Западном районе. Если брать пригороды, то по своим размерам он больше, чем

Первомайский, и сам по себе хорошо делится рекой на две части – левобережную и правобережную. Но так уж вышло, что центр города находится в Первомайском округе: там и администрация, и самый большой рынок, банки, казино, рестораны... А еще порт на Волге – а это не фунт изюма, это реальные деньги. И весь этот район в свое время достался Архару, а Череп и Барабас поделили между собой Западный район – и потому чувствовали себя обделенными. Потому и вызывает сейчас Барабас к справедливости. А у Архара планы на Промышленный район, и у него должна быть там своя доля.

– Короче!

– В городе три района, и нас осталось трое. Мне остается весь Западный, тебе твой Первомайский, а Черепу отойдет Промышленный, – громовым голосом отчеканил Барабас.

Браток так был напряжен, что на его лысом виске вздувалась и пульсировала вена.

– И скажи, что это несправедливо! – свирепо выдал он.

Действительно, с таким раскладом трудно поспорить. Тем более что все четыре года Барабас и Череп мирились с тем, что Архар владел гораздо более лакомым куском, чем они.

– А Черепу это понравится? – раздраженно, сквозь зубы спросил Архар. – Ты же говорил, что он Тереху завалил.

– Говорил, но не утверждал. Может, он, может, не он... Если он, это всплывет, и тогда мы его приговорим. Тогда и районы поделим. Весь город – пополам.

Архар кивнул. Неплохо было бы поделить между собой весь Многогореченск. Может, это действительно Череп Тереху заказал?..

– А если не всплывет? Если не узнаем, что это Череп с Терехой так?

– Но мы же не можем просто так его задвинуть? Все-таки он наш брат.

Барабас внимательно смотрел на Архара в надежде увидеть в его глазах «нет». Не брат им Череп, и его можно в расход. А почему бы и нет? Сначала город пополам, а потом и самого Барабаса на тот свет. И тогда весь Многогореченск будет принадлежать одному хозяину...

Но все-таки Архар удержался от соблазна рубануть шашкой. Нельзя нарушать договор, иначе Барабас решит, что ему позволено избавиться не только от Череп, но и от него самого.

– Все правильно, Череп наш брат. И делиться мы должны по-братски. Может, мы уже и не друзья, но братья. И не должны стрелять друг в друга.

– Значит, Промышленный район мы Черепу отдадим?

– Если он захочет взять.

– Захочет. У меня в Западном все на мази. Все, что его было, уже, считай, мое. Он, конечно, с этого имеет, но, по-любому, его дела с моими так срослись, что их с корнем вырывать надо, чтобы разделить. Он и сам это понимает. А Промышленный район как на тарелочке, там все терехинское, ни с кем ничего делить не надо.

– А Килотонна?

– Думаю, он все поймет. А не поймет сам, поможем. Череп, кажется, через месяц откидывается?

– Через двадцать шесть дней, – уточнил Барабас. – Встретить надо будет. Можно баньку организовать и все такое, а то живем как неродные.

Сам Архар оставался при своем. Плохо это, хотелось расшириться. Но уж лучше такой расклад, чем война за землю. Война, в которой мог пострадать он сам. Если, конечно, эта война уже не началась. Может, следующим на очереди после Терехи он сам стоит...

– С Промышленным-то что сейчас делать? Может, я туда своего человека поставлю, пока Череп нет...

– А может, я своего? – жестко отрезал Архар.

Не хотелось ему ехать в зону, сутки, а то и двое на это дело терять, но нужно было поговорить с Черепом. В глаза ему посмотреть, может, дрогнет его взгляд, когда разговор пойдет за Тереху...

2

Потапову приходилось бывать на чужой свадьбе без приглашения, причем это его совершенно не смущало. В тот день он наблюдал за городскими авторитетами, собравшимися в «Раздолье», в лучшем ресторане города. Гражданин Терехин женился на гражданке Востриковой, и это событие он праздновал в широком кругу. И замглавы администрации города там был, и начальник УВД; в компании бандитов они чувствовали себя весьма уютно. Законный вор Байбут тоже приезжал, и его татуированная шея и руки, похоже, не вызывали у официальных лиц желания покинуть заведение. Все видел тогда Михаил, все замечал и фиксировал на видео-плёнку. Работа у него такая – за круговоротом воров и бандитов наблюдать.

Но больше всего ему понравилась невеста. Красивая девушка. Просто красивая. Не было в ее облике ничего такого сверхординарного, и фигура обыкновенная – бюст небольшого размера, ножки худенькие и не самые длинные. Но ее отличала потрясающе высокая степень женственности и природной чувственности. При взгляде на нее в мужчине пробуждался инстинкт самца, жаждущего заполучить в собственность приглянувшуюся ему самку. Мила казалась столь нежным созданием, что язык не поворачивался назвать ее самкой, но, честно говоря, Михаил откровенно позавидовал тогда Терехе. А тот, казалось, светился от счастья.

Правда, в ранг женщины своей мечты Михаил возводить эту девушку не стал, и очень скоро успокоился, выбросив ее из головы. Слишком недостижимой казалась эта мечта, чтобы всерьез на нее рассчитывать.

И сейчас, в день похорон, Мила не казалась ему доступной. Она выходила из старого пятиэтажного дома, а он смотрел и чувствовал, как у него занемело в коленках. А ведь он уже давно вышел из того возраста, чтобы его мог взволновать вид красивой женщины.

Мила была в роскошном кожаном плаще с пушистым собольим воротником. Элегантное темно-русое каре, длинная красивая шея обнажена, на лбу траурная лента. Она была прекрасна в своей тихой печали. Но, увы, Михаил искал девушку вовсе не для того, чтобы наслаждаться ее обществом.

– Здравствуйте, Людмила Витальевна!

Девушка вздрогнула и напряглась так, будто к ее затылку приставили пистолет. Замерла на несколько мгновений, и только потом повернулась на оклик.

– Майор милиции Потапов, – представился он и для большей убедительности предъявил служебное удостоверение.

– У вас в милиции все так тихо подкрадываются?

Ее возмущение казалось таким же нежным, как и ее голос, ласкающий слух.

– Тихо подкрадываются не только в милиции. Тихо подкрадываются и киллеры. А вы, смею заметить, ведете себя неосторожно.

Она шла к своей машине, не осматриваясь, о чем-то думая, а двор зеленый, у подъезда кусты, из которых мог выйти убийца.

– Зачем вы меня пугаете? – расстроено спросила девушка.

– Работа такая... Я занимаюсь расследованием убийства вашего мужа. Мог бы, конечно, вызвать вас к себе повесткой, но, думаю, нам лучше поговорить в неофициальной обстановке.

– Поэтому вы меня и выследили?

Она с интересом смотрела на него, даже с какой-то симпатией, но вряд ли она думала при этом о чем-то порочном. Во всяком случае, Потапов так почувствовал.

– Да, я вас выследил. Проехал за вами от самого вашего дома. И здесь прождал вас почти три часа, – кивком головы он показал на свою старенькую «девятку», в которой коротал время. – А вы и не заметили, что я за вами слежу...

Михаил потратил свое драгоценное время вовсе не для того, чтобы проверить ее бдительность. Он хотел знать, не следит ли за Милой кто-то еще. Вдруг ее взяли на прицел те же люди, которые избавились от ее мужа. Может, она кому-то мешает, что вполне вероятно.

– Зачем это мне нужно? Я никому ничего плохого не делала, и мне бояться некого.

Она подошла к своему «Мерседесу» – пискнула сигнализация, щелкнул замок.

– И тем не менее я бы хотел с вами поговорить.

– Я сейчас еду домой, мы бы могли поговорить там, если вы согласны.

Этот вариант вполне устраивал Михаила, тем более что ехать не очень далеко, минут двадцать, не больше.

Тереха построил себе дом за городом, в сосновом бору, подальше от заводов и фабрик. Французский кирпич, керамическая черепица, крыльцо с помпезным четырехколонным портиком, мощенная гранитом дорожка с лестницей, ведущей к реке. Сосны во дворе, английские газоны. Погода была ветреной, но за высоким забором было тихо, спокойно и даже уютно. Хотя где-то здесь могла бродить греховная душа новопреставленного хозяина. Впрочем, призраков Михаил не боялся. Он давно уже понял, что живые люди гораздо опасней.

Свою машину Мила загнала в гараж, ворота которого открылись автоматически; Михаилу же пришлось оставить свою «девятку» на площадке перед домом. А на большее он и не претендовал.

За домом, в глубине двора, он увидел высокий вольтер, в котором, как машины в ряд, стояли три могучих пса бойцовой породы. Они зло, с рычанием смотрели на Михаила, но не бесились, не бросались на прутья решетки, как будто знали, что это бесполезно. Ведь они в клетке, значит, еще не дана команда «Охранять!». Серьезные псы, такие гавкать не будут и, если спустить их с цепи, порвут на части молча и с дьявольским ожесточением. Даже Мила, когда вышла из гаража, глянула в их сторону с опаской.

В доме никого не было, и хозяйке пришлось открывать дверь своим ключом. В прихожей она включила свет, сняла плащ. Тихо в доме, свет мягкий и, как вдруг показалось Михаилу, интимный, а они вдвоем, и она так прекрасна... Мила осталась в коротком платье из белой ангорки, приталенном, и таком же нежном, как и она сама. Глядя на нее, Михаил еще больше запянул. Как бы дебош не устроить от такого очарования. А ведь возникло спонтанное, из диких инстинктивных глубин желание обнять эту девушку, прижать к себе. Хорошо, что Потапов умел контролировать себя – разгула точно не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.